SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Е. Ф. Литвинова
  -
  - Предисловие
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Источники
- notes
  - 1

Е. Ф. Литвинова
Джон Локк. Его жизнь и философская деятельность

Биографический очерк Е. Ф. Литвиновой
С портретом Локка, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

Имя Локка настолько известно всем образованным людям, что нет необходимости обосновывать его право на наше внимание. Локк довершил переворот, начатый Бэконом, и его справедливо называют отцом эмпиризма, того мировоззрения и метода, которым мы обязаны всем нашим положительным знанием. Это относится к *содержанию* философской деятельности Локка, но для нас имеет также огромное значение сама форма изложения его мыслей; своей простотою и ясностью оно доступно каждому мыслящему человеку. Для понимания философии Локка нет необходимости знать философию вообще: она вполне самобытна и по содержанию, и по форме, в ней может почерпнуть мудрость человек всякой профессии. Мудрость же эта заключается в приобретении навыка в правильном и самобытном процессе мышления. Такие философы, как Лейбниц, Кант и другие, требуют для изучения специальных знаний и много времени на предварительную подготовку. Локк же может и должен служить настольною книгой каждого обыкновенного человека. В этом отношении его справедливо можно назвать философом-воспитателем, тем более, что вопросы воспитания и образования постоянно занимали его ум. Его педагогические взгляды чужды всякой рутины; они важны не только для родителей и воспитателей, но также способны возбудить общий интерес, потому что это – независимые взгляды на жизнь и ее задачи.

Сама жизнь Локка, на первый взгляд не отличающаяся ничем особенным, представляет много замечательного, если вглядеться в нее попристальнее. Это глубоко нравственная жизнь просвещенного, веротерпимого христианина и в то же время независимый жизненный путь вполне свободного человека. Такое редкое сочетание свободы с религиозностью составляет исключительную особенность Локка.

Глава I

Роль внешних условий в жизни замечательных людей. – Особенности образа жизни Локка. – Главные черты истории Англии XVII века. – Влияние их на Локка. – Рождение Локка. – Воспитание. – Отношение к отцу. – Любовь к свободе и великодушие отца передаются сыну. – Оксфордский университет. – Отношение Локка к дипломатической карьере. – Локк из скромности отказывается занять видное место в духовной иерархии. – Занятие медициной и первое знакомство с лордом Ашли.

Некрасов справедливо говорит:

Кому судьба венец готовит,
Того вопрос куда идти
Не устрашит, не остановит.

Замечательные люди – сознательно или бессознательно – неуклонно выполняют свое назначение; поэтому между их жизнью и деятельностью устанавливается очевидная связь. Внешние условия, бесспорно, также играют важную роль в их жизни, но эта роль отлична от той, которая принадлежит им в судьбе людей обыкновенных. Различие это, впрочем, скорее количественное, чем качественное, а именно: в жизни великих людей отчетливее обнаруживаются те условия, которые преимущественно перед другими имеют решающее влияние на характер и деятельность человека, и это влияние, как бы оно ни видоизменялось множеством иных условий, всегда можно проследить, если внимательно изучить жизнь. Иногда эти условия заметить легко – так они преобладают; в других случаях их приходится отыскивать, чтобы взять как руководящую нить, прежде чем войти в лабиринт мелких событий жизни, запутанных и осложненных множеством влияний.

В жизни Локка, небогатой внешними событиями, эти условия нетрудно подметить. Мы сначала их выясним, а затем уже приступим к изложению фактической стороны его биографии. Эта жизнь имеет свои особенности, о которых нельзя не упомянуть. Если мы проследим жизненный путь Локка, не осветив его предварительно, он покажется нам утомительным и скучным, как формулярный список, в котором слишком часто фигурирует частица «не». Нас поразит совершенное отсутствие личной жизни и всего, в чем особенно отчетливо проявляется характер. Это

удивит нас, особенно потому, что Локк представится нам не монахом, не кабинетным ученым, а, как и Бэкон, человеком вполне житейским, который любил и знал жизнь. Однако отсутствием личной жизни Локк превзошел даже Канта; у последнего не было семьи, но он все-таки под конец жизни владел маленьким домиком, имел своего слугу. Локк же был бездомным в полном смысле этого слова; всю жизнь он без всякой внешней необходимости провел в чужом доме, вернее, в чужих домах. Он жил, как птица небесная, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницу, отдавался занятиям по влечению и не только не делал себе из них ремесла, но, как видно, никогда не стремился к какой-нибудь цельной определенной деятельности. Его медицинская практика, педагогическая деятельность и государственная служба – все это носит какой-то отрывочный, случайный характер. Он лечит, когда кто-нибудь его заставит, он является государственным деятелем, когда представится возможность, никогда ее не добиваясь. Таким же характером отличается внешняя сторона его философской деятельности. Мы увидим, что его знаменитое сочинение «Опыт исследования человеческого разума» происхождением своим обязано случаю. Из этого можно заключить, что фактическая сторона жизни Локка как будто противоречит тому, что мы говорили о жизни великих людей вообще; однако это только кажущееся противоречие. Во всех поступках Локка просвечивает одно очень определенное отношение к жизни, сложившееся под влиянием религии. Он всегда смотрел на жизнь земную только как на приготовление к будущей жизни, не придавая ей никакого самостоятельного значения. Этому до известной степени содействовало его крайне слабое здоровье. Люди болезненные иногда живут очень долго, но постоянно смотрят на себя как на гостей здесь на земле. Это сознание ведет иногда к прожиганию жизни, под влиянием мысли: день мой, час мой; чаще же влечет за собой набожность и презрение к радостям жизни. Очень может быть, что слабое здоровье Локка совершенно определило его отношение к жизни. В философии своей, как мы увидим, он стремился примирить интересы науки с требованиями религии. Это отняло у него чрезвычайно много времени и стоило много труда… Религии же обязан Локк полным отсутствием честолюбия, что открыло ему возможность служить только истине и благу человечества. Национальности и историческим условиям также принадлежит своя доля влияния в характере и в жизни Локка.

История Англии в период жизни Локка представляла много замечательного. условия, под влиянием которых совершалось его развитие нравственное и умственное, сложились в царствования

Карла I, Карла II и Якова II. Это были условия, которые постепенно привели к революции 1688 года. XVII столетие имеет такое же значение для Англии, как XVIII для Франции. Каждое государство, достигая известной зрелости, оказывает влияние на другие национальности, и влияние это тем сильнее, чем последние ближе к первому по своему развитию. Влияние Англии отразилось непосредственно на Франции и через посредство Франции передалось другим нациям. Но независимо от всего этого история Англии в конце XVII столетия представляет много интересных и поучительных страниц для всякого, кто хочет уяснить себе связь между умственной и нравственной деятельностью человека. Это было время, когда гений английского народа вырабатывал все свои особенности, в которых, однако, проявлялись общечеловеческие свойства.

В биографии Бэкона мы говорили о положении Англии в XVI столетии, когда основы политической и нравственной жизни только что нарождались. Отсутствие нравственного начала проявилось тогда во всей полноте в самом Бэконе. Это было еще до борьбы света с тьмою, которая заняла весь XVII век и окончилась победою света… Борьба противоположных элементов нравственной природы человека воплощалась в борьбе двух крайних партий – прожигателей жизни и пуритан; они никогда не переставали враждовать между собою и смотрели на весь строй человеческой жизни с разных точек зрения и сквозь разные очки. Серьезное для одного класса людей было смешным для другого. Удовольствия одного были мучениями другого. Суровому ригористу даже невинная игра воображения казалась преступлением. Ветреным и веселым натурам торжественность благочестивой братии доставляла обильный материал для насмешек. Писатели также нападали на длинноволосых, гнусливых и плаксивых святош, которые давали детям своим имена из книги Неемии и считали безнравственным есть изюмную похлебку в праздник Рождества Христова. Однако суровые, неотесанные «изуверы», послужившие двум поколениям мишенью многих шуток, наконец взялись за оружие и победили прожигателей жизни, в свою очередь улыбаясь только мрачно и злобно. Они жестоко мстили и считали *свою* месть *Божьей* карой. Театры были закрыты, актеры наказаны розгами. Печать подчинили строгой цензуре. Это привело к лицемерию и к ложному благочестию; под личиной добродетели жили желания мести и разгула. Реставрация освободила общество от невыносимого ига; старая борьба началась с новым ожесточением. Пуританин никогда не раскрывал рта без библейских выражений, в противоположность ему насмешливые

джентльмены изобрели выражения: «накажи меня Бог», «побей меня Бог», «разрази меня Бог» и «будь я проклят Богом». Не удивительно, что литература, являясь всегда отражением жизни, также сделалась безнравственною; то же относится и к театру времен Карла II. Артисты развращали зрителей, а зрители – артистов, требуя от них более и более пикантных острот… Раболепные судьи и шерифы в то бедственное время проливали кровь как воду, поэты же отпускали гнусные шутки по поводу вешания и т. д., даже женщины тогда совершенно лишены были сострадания. Но в то время, когда все общество было погружено в тину мелких помыслов и мелких страстей, в области науки английский гений делал великий переворот и совершал необыкновенные подвиги человеческого ума. Маколей справедливо говорит, что Бэкон посеял хорошее семя на необработанной почве и в неблагоприятную пору. Он не ждал скорой жатвы и в духовной своей торжественно завещал свою славу другому веку. Философия Бэкона медленно зрела в немногих светлых умах; она зрела среди мятежей, войны и разврата. В то время, когда обыкновенные люди боролись за господство и стремились поработить друг друга, от них отделилась немногочисленная группа мудрецов, которая, отвернувшись с ужасом от этой борьбы, предалась благороднейшей деятельности – изучению природы, лелея гордую мечту о власти человека над материей, завещанную Бэконом. Эти люди работали, писали, проповедовали, но долгое время никто не обращал на них внимания; пока шла борьба, всем было не до того. Когда же спокойствие восстановилось, все обратились к ним, потому что хотя они и не принимали участия в борьбе, но работали не в кельях, а на людях.

Междоусобные войны возбудили энергию и изощрили способности образованных классов. Последствием такого возбуждения явилась ненасытная любознательность. Итак, группа мудрецов оказалась армией спасения; наука дала новое направление и содержание жизни. Опытные науки вошли в моду. Все классы общества были увлечены господствовавшим настроением. Богословы, юристы, государственные люди, аристократы, принцы явились почитателями Бэконовой философии. Поэты наперебой воспевали наступление золотого века. Химия, вместе с вином и любовью, театром, карточным столом, интригами царедворца и демагога, занимала некоторое время внимание непостоянного Бекингэма. У короля Карла была также своя лаборатория. Для репутации светского джентльмена почти необходимо было уметь что-нибудь сказать о воздушных насосах и телескопах, и даже дамы считали нужным

притворяться, что любят науку. Это был век Ньютона и Локка! Влияние естественных наук благотворно отразилось на практике. Преобразование земледелия шло успешно; возделывались новые растения, употреблялись новые орудия. Медицина, служившая во Франции предметом насмешек Мольера, в Англии делала блестящие успехи и шла вперед твердыми и верными шагами.

Все эти блестящие успехи знаний не исцеляли, однако, нравственных недугов: всюду слышался громкий и горький ропот труда на капитал… Мужья благородного звания не стыдились бить своих жен. Джентльмены в дни судебных заседаний устраивали прогулки в Брайдвелль, чтобы посмотреть на бичевание несчастных женщин, которые там мяли коноплю. Во время судебных заседаний тощие и желтые колодники приносили с собой из тюремных конур в судебную залу смрадную и заразительную атмосферу. На все эти бедствия общество смотрело с глубоким равнодушием. И все это привело к известной революции 1688 г., к изгнанию династии Стюартов и воцарению Вильгельма Оранского. Вот краткий очерк положения Англии в период жизни Локка до его 56-летнего возраста.

Мы познакомились с тем, что окружало его в разные периоды жизни. И нам нетрудно понять, что должно было главным образом остановить на себе внимание философа. Такие ученые, как Ньютон, были далеки от жизни, и многое из окружающего от них ускользало; Локк же, напротив, хотя и не погружался в мелочи жизни, всегда жил не с книгами, а с людьми, и его не могла не поразить общая безнравственность, о которой мы упоминали. Безнравственность эту наука не исцелила, а только осветила все ее безобразие. Спасения от нее Локк искал в религии – и для себя, и для других. Это обстоятельство, так же как и индивидуальные его свойства, имело огромное влияние на его жизнь и характер деятельности.

Итак, Локк рос и развивался в ту пору, когда в Англии росла и крепла свобода, когда проявления безнравственности достигли высшей степени, когда любовь к естествознанию и ненависть к схоластике витали в воздухе. Все это имело бесспорное влияние на его жизнь и деятельность.

Кост, переводчик сочинений Локка на французский язык, говорит: «Локк был рожден для блага человечества».

Джон Локк, сын Джона Локка, родился в 1632 году в Урингтоне, в семи или восьми милях от Бристоля. Отец его считался очень образованным юристом; он владел значительным состоянием, отличался любовью к свободе и в царствование Карла I служил капитаном в армии парламента. Во время гражданской войны Джон Локк старший лишился значительной

части своего состояния, – скорее всего, вследствие щедрости и великодушия, о которых часто упоминает его знаменитый сын. Мать Локка была урожденная Кинг; к сожалению, нам ничего более о ней неизвестно. Но мы знаем, что Локк находился в дружеских отношениях со своими родными по матери. Один из его родственников, Кинг, издал биографию Локка, вернее, собрал для нее материалы. Несмотря на то, что родители Локка вступили в брак в молодых летах, у них было только два сына, из которых Джон был старший. Оба брата отличались слабым здоровьем; младший умер еще юношей. Эта смерть глубоко огорчила родителей и старшего брата.

Как ни мало мы знаем о детстве Локка, нам представляется возможность судить о тех семейных условиях, которые имели решительное влияние на его характер и воззрения. Отец его, состоя в рядах армии парламента, должен был принадлежать к числу людей, способных внушать своим детям любовь к свободе. Жертвуя собственные средства на общественные нужды, он подавал пример сыну предпочитать общие интересы личным. Поэтому любовь к свободе и презрение к мелким житейским интересам Локк, можно сказать, унаследовал и заимствовал от своего отца. Легко допустить, что набожность Локка развилась под влиянием матери, которая жила в вечном страхе потерять своих болезненных детей и лишиться мужа, всегда готового жертвовать всем ради своих убеждений. Ей оставалось только молиться и учить тому же детей. Этого немногого уже совершенно достаточно, чтобы объяснить главные черты характера Локка, о которых мы говорили. Он, как все болезненные дети, был не по летам серьезен, поэтому не имел ничего против того монотонного, несколько сурового образа жизни, который вели его родители; может быть, он переносил все это легко также и потому, что связан был со своими родителями чувством самой нежной дружбы, особенно с отцом. Отец Локка всерьез занимался воспитанием сына; он выработал совершенно самостоятельные взгляды на этот предмет.

Впоследствии старший сын с большою похвалой отзывался о его методе воспитания. Когда Локк был ребенком, отец держал его в полном и безусловном повиновении и вдали от себя, затем он мало-помалу приближал его к себе, постепенно заменяя приказания советами; таким образом отношения «начальника и подчиненного» постепенно сгладились и приблизились к полному равенству; отец с сыном стали друзьями.

Джон Локк получил первоначальное образование в Вестминстерской школе; он кончил ее курс девятнадцати лет и поступил в Оксфордский университет. В 1655 году Локк получил

степень бакалавра искусств, а через три года заслужил степень магистра. Итак, внешне образование Локка шло как нельзя лучше. Но его мало пленяли внешние успехи; будущий философ равнодушно относился к своим дипломам, с горестью говорил, что ученье отнимало у него только время, нисколько не удовлетворяя его любознательности и не доставляя ни малейшего удовольствия. И того, и другого искал он в чтении вообще, в особенности же в изучении философии Декарта; со многими мыслями последнего Локк не соглашался, но обаяние гения, даже при таких условиях, было очень велико и плодотворно. В молодости Локк писал стихи, блиставшие остроумием, но не отличавшиеся изяществом формы. Он не особенно уважал поэтов, на чтение их тратил немного времени и не имел терпения подражать им в тщательности отделки своих стихотворений.

Могущество университетов Оксфордского и Кембриджского было во время Локка очень велико. К половине XVII столетия оно достигло своего апогея. Ни одно из соседних государств не могло похвалиться такими богатыми в материальном отношении центрами учености. Звание университетского канцлера было почетным отличием, которого ревностно домогались первые вельможи королевства; аристократы и даже принцы считали за честь носить красную докторскую мантию. Университеты привлекали людей старинными зданиями, богато украшенными средневековою резьбою, новыми зданиями, представлявшими высшую степень искусства Джонса и Река, прекрасными залами и капеллами, музеями, ботаническими садами и единственными большими публичными библиотеками, какие только находились тогда в королевстве. Пышность, которую Оксфорд выказывал в торжественных случаях, могла поспорить с пышностью державных государей. Но Локка, привыкшего к скромному образу жизни своих родителей, пышность не могла ослепить; он и в то время был полон сознательного презрения к роскоши. Мы сказали, что Локк был недоволен университетским преподаванием так же, как и Бэкон; это показывает, что до поступления своего в университет он имел совершенно определенные умственные интересы. Очень вероятно, что отец и в этом отношении был его первым наставником, так как интерес к вопросам воспитания со стороны отца Локка говорит о склонности его к наблюдению и размышлению.

Дружба с отцом не могла не иметь самого благотворного влияния на сына. К счастию, отец жил довольно долго, и сын не только вырос, но и возмужал на его глазах. Нам известно одно письмо Локка к отцу, относящееся к 1660 г. В нем Локк трогательно просит больного отца не жалеть денег на леченье и

поправление здоровья; он говорит, что не рассчитывает на отцовское наследство, а надеется жить своими трудами. Голова и руки – разве это не капитал для всякого человека, а тем более для такого, которому, как ему, так мало надо, и т. д.

Письмо не заключает в себе ничего особенного, но проникнуто с начала до конца нежной любовью к отцу. Что касается стремления Локка приобретать материальные средства, то мы не видим, чтобы он прилагал к этому особые старания.

Он был весь поглощен в то время вопросом об отношениях церкви к государству и посвятил этому предмету свое первое сочинение, которое, впрочем, никогда не было напечатано.

В 1664 году Локку, без всяких хлопот с его стороны, открылась возможность сделать дипломатическую карьеру; он в качестве секретаря сопровождал в Берлин английского посла Вальтера Фена. Из писем его к друзьям мы видим, что он поехал в Берлин скорее в качестве туриста и очень мало думал о дипломатической карьере.

Локк пробыл на континенте около года. Упомянутые письма его к друзьям отличаются наблюдательностью, всегда составлявшей особенность Локка. Обстоятельно и живо описывает он решительно все, что обращает на себя его внимание, начиная с положения финансов в Берлине и кончая крестинами одного новорожденного берлинца, при которых ему пришлось присутствовать. В 1664 году мы застаем Локка опять в Лондоне, и нам остается неизвестным, чем обусловливается его отъезд из Берлина. Мы видим только, что он, не имея склонности к дипломатической карьере, собирается занять место при посольстве в Испании, которое ему настойчиво предлагают. Из этого можно заключить, что им были довольны в Берлине, – но, вероятно, занятия такого рода пришлись ему самому не по душе. В конце концов он, вероятно, по той же причине не поехал в Испанию, хотя ему очень хотелось посетить эту страну из чистой любознательности.

Занимаясь вопросом об отношении церкви к государству, Локк познакомился с влиятельными духовными лицами и близко сошелся с некоторыми из них. Один из его приятелей занял важный пост в Дублине и предложил ему видное место в духовной иерархии в Ирландии. Эта должность как нельзя более пленяла благочестивого Локка, но скромность заставила отказаться; он считал себя в то время недостаточно к ней подготовленным.

Нам известно, что Локк имел большую склонность к естественным наукам; она проявилась у него еще в ранней молодости. Он любил наблюдать явления природы и тщательно

записывал свои наблюдения. Например, он оставил дневник своих наблюдений за изменениями состояния атмосферы от 24 июня 1666 до 28 марта 1667 года. При своих наблюдениях Локк пользовался барометром, термометром и гигроскопом.

Постоянные заботы о собственном здоровье рано привели Локка к изучению медицины. По свидетельству современников, он вскоре стал искусным врачом, но, не желая заниматься медицинской практикой, давал советы только друзьям, и то в редких, исключительных случаях, когда этого настоятельно требовали; большею же частью он пользовался своим знанием медицины исключительно для сохранения своего собственного здоровья. Несмотря на такое отношение к медицинской практике, слава его как врача была настолько значительной, что знаменитый в то время врач Сиденгам в своих примечаниях к истории лечения острых болезней с восторгом заявляет, что один из изобретенных им способов лечения *одобрен* Локком.

В 1666 году Локк познакомился с лордом Ашли. Поводом к этому знакомству послужила болезнь лорда. Ашли приехал в Оксфорд, чтобы посоветоваться с доктором Тома относительно своей болезни; но Тома, уезжая в это время из Оксфорда, просил друга своего Локка принять на себя лечение лорда и выписать для него минеральные воды; Локк согласился только на последнюю просьбу.

Вследствие независящей от Локка случайности воды были получены только после приезда лорда в Оксфорд, и Локку пришлось отправиться к Ашли, чтобы объяснить причину этого замедления. Лорд принял философа со своей обычной вежливостью и остался как нельзя более доволен его визитом. По просьбе Ашли Локк остался с ним ужинать и должен был в знак будущей близости с лордом выпить с ним стакан минеральной воды. Таким образом, между ними завязалось знакомство; вскоре Ашли полюбил Локка и проникся к нему таким доверием, что не мог лечиться ни у кого другого; он доверял только Локку, несмотря на то, что последний, как мы говорили, совсем не занимался медицинской практикой. И Локк как нельзя лучше оправдал доверие лорда. Он один угадал настоящую причину болезни Ашли, посоветовал ему подвергнуться операции и тем спас жизнь этого замечательного человека. После такой услуги Ашли не мог уже расстаться с Локком; он сначала пригласил своего медика погостить к себе на лето, а потом предложил ему поселиться в его доме навсегда. Локк принял это предложение, но, не желая оставаться в долгу у Ашли, продолжал лечить лорда и всех членов его семьи, сделавшись, так сказать, поневоле домашним врачом. Эта скромная обязанность не требовала много

времени и не мешала Локку продолжать занятия философией и естественными науками.

Глава II

Отношение Локка к семейству Ашли (Шефтсбери). – Характер и политическая деятельность лорда Антони Ашли. – Влияние его на судьбу Локка. – Локк – секретарь правления по делам благотворительности. – Путешествие Локка. – Окончательное падение Ашли, заключение и переселение в Голландию. – Локку приходится разделить участь Ашли. – Маколей о Локке.

Отношения Локка и лорда Ашли, впоследствии графа Шефтсбери, важны для уяснения многих особенностей этих двух личностей.

Мы говорили, что Локк познакомился с лордом Ашли в 1666 году, ему было тогда 34 года. В эти лета каждый человек успевает к чему-нибудь пристроиться, тянет лямку или делает карьеру. Небольшое состояние, оставленное Локку отцом, освободило его от первой, отсутствие же честолюбия отняло стремление ко второй. Он как нельзя лучше пользовался своей свободой для приобретения знания, наблюдал жизнь и людей, заботился о своем нравственном усовершенствовании и не обнаруживал ни малейшего желания пойти какой-нибудь торной дорогой. Будущий философ рассеянно слушал похвалы своему уму, глубокому знанию медицины, своей находчивости и не думал извлекать из всего этого какой-нибудь материальной пользы для себя лично. Медицинская практика не отвечала его склонности к тихой, созерцательной жизни; общественная же деятельность была ему недоступна. Преградой к ней служил его рано определившийся, независимый образ мыслей. По своим убеждениям Локк, несомненно, принадлежал к партии *вигов,* одним из главных вождей которой был в то время Антони Ашли.

Вигами сперва называли изуверов в Шотландии, а потом тех политиков, которые обнаруживали стремление противодействовать двору. Антони Ашли преследовал очень определенную цель – внутреннюю независимость английского народа и для достижения ее употреблял те средства, которые оказывались под рукою. Локк горячо сочувствовал этой цели, но не мог примкнуть к политической партии и не вникал даже в подробности борьбы… Маколей в своей «Истории Англии» высказывает следующее мнение о лорде: «Ашли, при сильном уме и пламенном честолюбии, был переменчив. Но переменчивость Ашли являлась следствием не легкомыслия, а обдуманного эгоизма. Он служил и изменял целому ряду правительств; но так удачно улучал время для всех своих измен, что, вопреки всем

переворотам, его счастие постоянно возрастало. Толпа удивлялась этому неизменному счастию и приписывала Ашли чудесную силу и божественный пророческий дар.»

В воспоминаниях Локка, написанных вскоре после смерти Антони Ашли, этот политический деятель выступает перед нами в ином свете; он является благородным и смелым бойцом за независимость народа. К своему мемуару Локк приложил три письма лорда Ашли; в одном из этих писем лорд просил Карла II выслушать его объяснение, а не оправдание, потому что совесть его ни в чем не упрекает. Он всегда действовал открыто, гнушаясь всяких интриг, и им руководило только сознание своих обязанностей относительно Бога, английского народа и короля. К сожалению, он видит, что другие действуют во имя личных выгод, забывая свою ответственность перед потомством. Письмо это производит сильное впечатление, потому что дышит правдой и проникнуто самыми возвышенными чувствами.

Может быть, лорд Ашли изменился с годами, так как приведенное нами мнение Маколея относится к молодости лорда, к тому времени, когда он еще не был знаком с Локком. В другом месте Маколей следующим образом описывает падение Ашли: «Выборы отличались жестокой борьбой. Виги по-прежнему составляли большинство палаты общин; но уже ясно было, что торийский дух быстро распространяется по всей стране. Казалось бы, прозорливый и изменчивый Ашли должен был предвидеть наступавшую перемену и согласиться на компромисс, предложенный двором, но он как будто совершенно забыл свою старинную тактику. Вместо того, чтобы принять меры, которые на худой конец обеспечили бы ему отступление, он занял такое положение, в котором необходимо было или победить, или погибнуть. Может быть, его голова, как ни была она сильна, закружилась от популярности, от успеха и от задора борьбы; может быть, он взвинтил свою партию до того, что уже не мог обуздать ее, и в сущности был горячо увлечен теми, кем формально руководил».

В этом последнем описании мы скорее узнаем горячего и увлекающегося Ашли – друга Локка.

Антони Ашли не был исключительно практическим деятелем; он в часы досуга любил обсуждать вопросы, относящиеся к философии, к политике и теологии. Локк до знакомства с Ашли не занимался ни политикой, ни теологией; его первое сочинение имело юридический характер. Но Ашли вскоре удалось возбудить в нем интерес к той и другой. В короткое время Локк настолько овладел этими предметами, что Ашли пришлось учиться им у него. В беседах с Локком лорд Ашли отдыхал от борьбы, в

которую, однако, напрасно стремился втянуть Локка. Ашли и Локк, хотя и жили много лет под одной кровлей, в жизни шли разными дорогами. В доме Ашли Локк начал писать свой знаменитый «Опыт». В то время как Ашли домогался всеми силами власти, Локк занимался естественными науками и путешествовал. В 1668 году Локк сопровождал во Францию графа и графиню Нортумберландских. После смерти графа он возвратился в Англию ранее, чем предполагал, и снова поселился в доме лорда Ашли. Лорд поручил ему воспитание своего единственного сына. Локк ревностно принялся за исполнение этой новой обязанности. Он исполнял ее строго, тщательно, с большим увлечением. Это еще более скрепило дружбу Локка и лорда Ашли. Молодой лорд отличался слабым телосложением, и Локк употребил все свое знание медицины, всю свою опытность, чтобы укрепить здоровье юноши. Но все же отец боялся за недолговечность своего единственного сына и желал как можно скорее видеть его женатым. Эта женитьба, как и всякое важное событие в семейной жизни Ашли, не обошлась без участия Локка. Молодой Ашли был в то время легкомыслен и неопытен, поэтому решено было, что Локк выберет ему невесту. Разумеется, во всем этом высказалась вся глубина доверия Ашли к Локку. Ни лорд Ашли, ни Локк не искали богатой невесты, обращая главное внимание на физические, умственные и нравственные качества. Немудрено, что при таких условиях Локку удалось выбрать красивую, добрую и умную жену своему питомцу. Молодая леди Ашли, сверх того, отличалась хорошим образованием и ни в каком отношении не была женщиной заурядной.

В 1672 году лорд Ашли стал лордом Шефтсбери и вместе с тем великим канцлером Англии. Локк же благодаря Ашли занял высокий пост секретаря правления по делам благотворительности. Эту должность он занимал до конца 1673 года, то есть до того времени, когда патрон его снова впал в немилость, и Локк неминуемо должен был разделить его участь. Лорда А. Шефтсбери обвинили в том, что он обнародовал документы с целью возбудить народ против католиков и обнаружить некоторые произвольные действия двора.

Эта кратковременная деятельность на поприще государственной службы доставила Локку много непривычных беспокойств, неприятностей, расстроила его здоровье. Он принужден был на время оставить дом Ашли и уехать во Францию, в Монпелье, где прожил довольно долгое время. Там он познакомился с Гербертом (впоследствии графом Пемброком), которому потом посвятил свой «Опыт». Пемброк обладал талантом, любил науку, но ничего не печатал из

аристократической гордости, составлявшей в то время отличительную особенность англичан. Из Монпелье Локк отправился в Париж, где очень близко сошелся с Юстелем, дом которого в то время служил убежищем для всех ученых скитальцев. В этом гостеприимном доме Локк познакомился с Генелоном, знаменитым в то время врачом из Амстердама, лекции которого по анатомии вызывали общий восторг в Париже; здесь же он встретил известного живописца Суаниора, приславшего ему копию с одной своей картины; последнее доставило большое удовольствие Локку, потому что он любил живопись и был знатоком в этом искусстве.

В 1679 году лорд Шефтсбери опять вошел в милость и занял пост президента совета. Приехав в Лондон, он тотчас вызвал из-за границы Локка, чтобы снова открыть ему возможность общественной деятельности, которая, однако, и на этот раз продолжалась недолго. Лорд Шефтсбери отказался исполнить несправедливые требования любимцев короля; это навлекло на него неприятности и в конце концов привело к окончательному падению и заключению на некоторое время в тюрьму. Получив свободу, он уехал в Голландию; Локк же оставался некоторое время в семействе сына Ашли, своего бывшего ученика. Брак последнего оказался как нельзя более счастливым. Несмотря на слабое здоровье отца, все его семь человек детей отличались цветущим здоровьем. Старший сын выделялся необыкновенными дарованиями, и воспитание его также было поручено Локку; результат этого счастливого сочетания обстоятельств получился самый блестящий. Внук Антони Ашли сделался со временем достойным и деда, и учителя; он заслужил справедливую славу своими философскими сочинениями, и мы скажем о нем несколько слов в последней главе.

Положение Локка в Лондоне после отъезда Шефтсбери стало небезопасным, и он уехал в Оксфорд. О пребывании его в то время в Оксфорде Маколей говорит: «Локк ненавидел тиранию и преследования как философ; его ум и характер предохраняли его от насильственных действий человека партии. Он находился в дружеских отношениях с Шефтсбери и поэтому подвергся нерасположению двора. Но он был так благоразумен, что не представлялось возможности предать его во власть подкупных и пристрастных трибуналов того века. Локк жил одно время в Christ-Church при Оксфордском университете в качестве члена этой коллегии. Решено было удалить из нее величайшего человека, каким она могла только гордиться. Это, однако, не легко было сделать. Локк в Оксфорде воздерживался от выражения каких бы то ни было мнений касательно современной

политики. Около него оказались шпионы. Доктора богословия и магистры наук не стыдились исполнять самую унизительную должность – ловить своего товарища на слове, чтобы обратить его речь ему на гибель. Разговоры в общей зале были умышленно направляемы на раздражающие предметы: билль об исключении, характер графа Шефтсбери, – но напрасно. Локк не проговаривался, не притворялся и хранил такое упорное молчание и спокойствие, что заставил шпионов сознаться с досадой, что никогда еще человек не являлся таким полным господином своего языка и своих страстей. Когда коварство оказалось недействительным, были пущены в ход сила и произвол. После напрасных попыток заставить Локка повиниться решили наказать его без вины. Получено было повеление исключить его из числа членов коллегии.»

После этого исключения Локк уехал в Голландию, где уже находился его друг Ашли.

Продолжительное пребывание в доме Ашли открыло Локку возможность вращаться в обществе английской аристократии. Это обстоятельство, как мы увидим, имело большое влияние в развитии многих мнений Локка. В числе аристократов того времени было много выдающихся, даже замечательных людей. Они обращали на себя внимание философа и отвлекали его от знакомства с другими классами английского общества. Он занимался воспитанием английских джентльменов; их потребности, идеалы и нужды врезались в память философа на всю жизнь и оставили глубокие следы в его философии. Все это неминуемо должно было несколько сузить его кругозор.

Отношение к высокопоставленным людям всегда как нельзя лучше характеризует человека, поэтому мы не можем умолчать об одном случае, который дает нам понятие, как держал себя Локк в кругу аристократов. У лорда Ашли часто собирались гости – побеседовать, иногда просто поиграть в карты. Когда Локк впервые появился в салоне своего друга, его неприятно поразило такое препровождение времени. Несколько минут он молча смотрел на играющих, затем вынул свою карманную книжку и принялся что-то записывать. Это, в свою очередь, возбудило любопытство гостей, и один из них спросил его с удивлением, что такое он пишет. Локк отвечал: «Я стараюсь извлечь из вашего общества как можно более для себя пользы: давно уже хотелось мне познакомиться с замечательными моими современниками и соотечественниками; наконец желание мое исполнилось, и я счел за самое лучшее записать все слышанное мною в таком избранном обществе». И Локк прочитал то очень немногое, что слышал от игравших в карты. Все поняли его тонкий намек и

оставили игру. Остроумная шутка оживила все общество и вызвала разговоры и споры.

Из приведенного нами рассказа видно, что Локк относился к аристократам не раболепно, а держал себя в высшем кругу совершенно свободно. Некоторые письма его к вельможам и посвящения сочинений представляют нам эти отношения в ином свете. Мы видим, что в них Локк сильно преувеличивает заслуги высокопоставленных лиц за счет своих собственных. Но в то время было принято так писать, и это нельзя отнести к характеру Локка, который сам по себе был чужд всякой лести.

Вскоре по приезде в Голландию Локк лишился своего друга Ашли, который скончался в Амстердаме в 1683 году. Можно себе представить, как эта смерть огорчила Локка. Он не мог жить без дружбы и, оплакивая своего покойного друга, протягивал руки новым знакомым, которые были ему симпатичны, так что вскоре у него и в Голландии образовался кружок искренних друзей.

Глава III

Эмигранты в Голландии. – Английское правительство преследует Локка и подозревает в сообществе с герцогом Монмутом. – Личность Монмута и его стремления не имеют ничего общего с задачами Локка. – Письма Локка о веротерпимости; основание учено-религиозного общества. — Переворот в Англии в 1688 г.; влияние его на перемену в судьбе Локка. – Возвращение Локка на родину. – Локк на поприще государственной деятельности. – Принц Оранский – король Англии; отношение его к Локку. – Болезнь Локка и удаление в графство Эссекс.

Легко заметить, что в жизни Локка есть нечто общее с жизнью Аристотеля. Нам невольно бросается в глаза, что оба философа до пятидесятилетнего возраста, занимаясь приобретением знаний, наблюдением жизни и воспитанием человека, внешне очень мало проявляли свою духовную деятельность. И Локк, и Аристотель не принимали прямого участия в политической деятельности, но сочувствовали политическим деятелям, увлекаемым любовью к свободе, и терпели за то преследования…

Мы знаем, что из Оксфорда Локк, после тщетной попытки оправдаться, отправился в Голландию. В то время это была страна, в которой находили убежище все гонимые за правду и неправду. Эмигранты искали свободы с различными целями: одни ради высших интересов, другие для самых мелких интриг. Чрезвычайное разнообразие элементов эмиграции открыло Локку возможность изучить в Голландии человека со всех сторон. В Голландии же Локк нашел горячо им любимую свободу – безусловную, истинную, неизменную и беспристрастную (absolute Liberty, just and true Liberty, impartial Liberty). Локк говорил, что свобода и спокойствие, которыми пользуются голландцы, с избытком вознаграждает их за скудость природы.

По всей вероятности, и Локк, отправляясь в Голландию, надеялся там воспользоваться спокойствием и свободой для продолжения своего философского труда. В то время штатгальтером Голландской республики был знаменитый Вильгельм Оранский, внук короля Англии Карла I. Впоследствии он спас от рабства Соединенные провинции Голландии, дал сильный отпор Франции и установил на прочном основании английскую конституцию. Вильгельм был в высшей степени предан делу республики и неустанно обращался к Генеральным штатам с возвышенными речами; ими он поднимал и

воспламенял национальный дух. Лично к Локку принц Оранский отнесся как нельзя лучше. Изгнанников, приютившихся в то время в Голландии, можно разделить на три класса: одни, как Шефтсбери, усталые, измученные, умирали спокойно или мирно доживали свой век; другие, как Локк, пользовались относительным спокойствием, чтобы создавать свои великие произведения и свободно выражать свои заветные мысли. Известно, что в Голландии Локк написал свои знаменитые «Письма о веротерпимости» и основал учено-религиозное общество, первое правило которого состояло в том, что каждый член должен любить и уважать всякого человека, не обращая внимания на его религию и национальность. Такие мудрецы, как Локк, не пользовались свободой для мести и поправки своих личных дел; но мудрецов, разумеется, было не много; большая часть изгнанников принадлежала к заговорщикам, лелеявшим выгодные для них политические перевороты; самым влиятельным из эмигрантов последнего класса и в то же время самым выдающимся был, бесспорно, герцог Монмут, незаконный сын Карла II. Он одно время действовал сообща с партией вигов, к которым принадлежал Шефтсбери, друг Локка. Это дало повод правительству подозревать Локка в связях с Монмутом. Мы говорили уже, какой характер имело участие Локка в политической деятельности Шефтсбери, с которым Локк был связан узами дружбы. С Монмутом же у Локка не могло быть ничего общего. Самое поверхностное знакомство с личностью Монмута должно как нельзя лучше убедить нас в этом. Монмут как любимый сын Карла II пользовался в юности всеми преимуществами принца. Внешне он был не только красив, но и необыкновенно привлекателен, его характер был мягок, его обращение с людьми было изысканное и ласковое. Ему многое прощали даже строгие пуритане. Некоторые утверждали, что Карл был когда-то женат на красивой матери Монмута, ходили упорные слухи о какой-то черной шкатулке, где хранился брачный документ. Сам король официально отвергал эту басню, но ему не верили. Во все времена существовали любимцы толпы, способные кружить головы. Монмут во многом напоминал Алкивиада. Нетрудно также отыскать сходство Монмута с графом Эссексом, покровителем Бэкона. Заметим кстати, что это повторение личностей часто встречается в истории, а потому невольно веришь Шопенгауэру, что те вишни, которые мы раз съели, опять будут висеть на деревьях…

В Англии шла жестокая борьба между парламентом и короной, между протестантством и католичеством. Любимцы толпы, такие, как Монмут, всегда действуют ради *своих*

интересов, толпа же часто причисляет их к мученикам за общее дело. Монмута считали *мучеником,* погибшим за протестантскую веру; после его казни в его крови мочили платки и берегли как святыню. Между тем, Монмут в последние минуты своей жизни только и думал о своей возлюбленной леди Вентворт и погиб, добиваясь короны, потому что *ей* так хотелось видеть *его* королем. Власть Монмута над сердцами продолжалась до тех пор, пока не вымерло то поколение, которое его видело и знало. Ленты, пряжки и другие мелкие принадлежности его туалета хранились как драгоценность. Многие продолжали думать, что он все еще жив и опять явится; сложилась известная легенда о «Железной Маске», и даже Вольтеру пришлось всерьез опровергать предположение, что человек в железной маске был герцог Монмут.

Локк, конечно, хорошо понимал, какие пружины руководили действиями Монмута, и употребил все усилия на то, чтобы доказать, что у них с Монмутом были разные пути, как и со всеми, кем руководили личные побуждения. Истинными защитниками протестантской религии были, конечно, не такие люди, как Монмут, а такие, как Локк, но последних толпа, разумеется, не замечала.

В 1685 году герцог Монмут со своей партией поселился в Голландии и начал готовить предприятие, которое впоследствии привело его на эшафот. Английское правительство, узнав о его заговоре, тотчас послало предписание своему посланнику в Гааге требовать выдачи нескольких подозреваемых им английских подданных, в том числе и Локка. Леклерк, хорошо знавший Локка, утверждает, что философ тогда не имел никаких связей с герцогом Монмутом и не верил в успех его предприятия. Сверх того, Локк в этом отношении был нерешителен и держался в стороне от всяких заговоров. В конце 1684 года Локк находился в Утрехте; он приезжал в Амстердам только на короткое время с намерением снова уехать в Утрехт, чтобы его случайно не включили в число заговорщиков. В Амстердаме же он узнал, что требуют его выдачи, и ему поневоле пришлось скрываться. Сначала он имел намерение поселиться вместе с Генелоном; Генелон принял его очень радушно, но сказал, что у них не в обычае брать в свой дом постороннего человека. Потом, когда Генелон узнал, какая опасность грозит Локку, то принял деятельное участие в положении философа; он упросил своего тестя взять Локка к себе, – и Локк пробыл у последнего два-три месяца. Друзья его между тем навели справки у одного правительственного лица относительно грозившей ему опасности и узнали, что правительство выдаст Локка по требованию короля

Англии только в том случае, если такое требование будет иметь достаточные основания. Так как серьезных оснований не было, Локк продолжал жить в Амстердаме, однако из предосторожности выходил из дома только по ночам. В конце года он переехал жить к Генелону, но только в 1686 году начал снова показываться днем, потому что только к этому времени окончательно выяснилось, что он не имел ничего общего с замыслами герцога. И в это смутное время своей жизни Локка писал и напечатал свои письма «О веротерпимости», в которых говорит между прочим: «Трудно поверить, чтобы человек из чувства милосердия заставлял кого-либо пытками принять ту или другую веру. Если бы Бог хотел силою обратить людей в какую-нибудь веру, то послал бы Христа с легионами ангелов небесных, а не слишком ревностного сына церкви с его драгунами»[1]. Эти письма были с восторгом встречены в Голландии, но оксфордское духовенство ответило на них памфлетами; на два из памфлетов Локк счел нужным ответить, защищая веротерпимость. Через двенадцать лет после этого появился новый памфлет на те же письма. Локк в то время был сильно болен. Несмотря на это, в ответ на последний памфлет он начал писать свое четвертое письмо о веротерпимости, которое осталось, однако, неоконченным. Капитальное сочинение Локка «Опыт исследования человеческого разума» также приближалось к концу. Он сам сделал из него краткое извлечение в конце 1687 года. Леклерк перевел его на французский язык и напечатал в своей «Библиотеке». Это извлечение заслужило громкое одобрение людей знающих, друзей истины и возбудило в них сильное желание видеть поскорее напечатанным все сочинение. В 1688 году в Англии произошел переворот, имевший счастливый исход благодаря храбрости и великодушию принца Оранского. Это важное событие открыло и Локку возможность вернуться в свое отечество; он приехал в Англию на одном корабле с принцессой Оранской. Тотчас же по прибытии в отечество Локк стал добиваться некоторых несправедливо отнятых у него гражданских прав. Как бывший студент Оксфордского университета он имел право на помещение в здании этого учреждения, но был, как мы видели, лишен его без всякого основания. Философ не нуждался в этом помещении и не думал когда-либо им воспользоваться, но хотел добиться возвращения *произвольно* отнятого права. Однако когда он приехал в Оксфорд и увидел, с каким предубеждением относилась к нему вся коллегия, то не пожелал восстановления упомянутого права. Он был рад, что его не преследовали более, что никто ни в чем его не подозревал и ему не приходилось скрываться. Это само по себе уже доставляло ему такое душевное

спокойствие, каким он давно не пользовался; с большим рвением принялся он снова за свои философские труды, которые создали ему неувядаемую славу. В 1689 году Локк окончил свой «Опыт» в доме наследников Антони Шефтсбери. Появление в свет этого сочинения было настоящим событием в Англии, где в то время высоко ценились умственные интересы и текла свободная жизнь… На одном митинге в Оксфорде было решено всячески содействовать распространению этого сочинения Локка, в котором с поразительной ясностью высказывались мысли, более или менее сознаваемые всеми. Таким образом, Локка наконец признали соотечественники. При таких условиях и при расположении к нему нового правительства Локк мог рассчитывать на высокий пост, но довольствовался скромной судейской должностью с небольшим содержанием.

Правительство употребило все усилия на то, чтобы привлечь Локка к широкой деятельности на поприще государственном; ему предлагали место посланника в России или Берлине, но он отказался от всех предложений такого рода, ссылаясь на слабое здоровье.

В 1689 году Локк написал трактат «О правлении», в котором выступил защитником английской революции 1688 года, изложив правдиво и ясно ее основания и результаты.

Продолжительное отсутствие нисколько не уменьшило участия Локка ко всему, что совершалось в его отечестве; напротив, он зорко следил за всеми явлениями частной и общественной жизни, причем вскоре заметил неурядицу в финансовом деле, которая пагубно отражалась на торговле и часто обманывала расчеты частных лиц. Локк предвидел гибельные следствия этой финансовой неурядицы, настолько беспокоившей его, что он беспрестанно говорил о ней с друзьями, и наконец решился обратить на это внимание парламента.

Три небольших сочинения Локка «О монетном деле в Англии и его улучшении» обнаруживают хорошее знакомство автора с вопросами торговли и политической экономии. Эти труды оказались как нельзя более своевременными и принесли много пользы Англии; но они, как и все новое, вызвали большую бурю в финансовом мире и множество возражений; последние, однако, были блистательно опровергнуты Локком.

Правительство выразило свою признательность и доверие Локку, предложив ему должность министра торговли и колонии, которую он и занимал до тех пор, пока его расстроенное здоровье не потребовало удаления из Лондона. Припадки застарелой болезни, астмы, настолько усилились, что принудили его просить отставки у короля. Эта просьба очень огорчила Вильгельма;

трудно было заменить Локка кем-нибудь другим. Король просил его не оставлять этой должности, но посвящать ей столько времени, сколько позволяло его здоровье; он разрешал Локку жить в деревне и только на время приезжать в Лондон. На все это Локк отвечал, что собственная совесть не позволяет ему занимать видный пост и получать большое содержание, когда он уже не в силах как следует исполнять свои обязанности; он остался при своем решении. Вильгельм питал безграничное уважение к Локку, часто беседовал с ним о государственных делах и высоко ценил его советы. Локку открылась возможность государственной деятельности, – но лишь в те годы, когда ему уже заметно начали изменять физические силы.

Он успел, однако, показать, какие великие услуги им были бы оказаны Англии, если бы эта возможность представилась ему ранее. Характер этой деятельности также совершенно определился; она отличалась удивительным пониманием действительности, отсутствием всякого честолюбия и мелкого самолюбия.

Таким образом, мы видим, что Вильгельм Оранский был единственный государь Англии, сумевший понять и оценить Локка. Предшественник его Яков II был заклятым врагом этого философа. В первые дни вступления на престол Якова Пенну удалось было расположить его в пользу Локка; король соглашался даже позволить философу занять кафедру в Оксфордском университете. Пени написал Локку в Голландию об этой милости короля, который готов его простить и т. д. На это Локк отвечал Пенну, что правительству нет основания его прощать, так как не было причины его наказывать. Такой ответ вооружил против Локка правительство; его стали считать врагом династии Стюартов и подозревали, как мы видели, в заговорах против правительства.

Вильгельм Оранский понимал Локка, потому что сам был человеком во всех отношениях необыкновенным. Он был полон какой-то торжественной печали и мужества, которому нипочем превратности счастья и опасности. Ум его был занят исключительно нуждами народа. Он мало интересовался литературой и наукой. Открытия Ньютона ему были так же неизвестны, как и стихотворения Буало. Он любил полезные вещи и ценил только деловых и практических людей. Здравый смысл Локка нравился Вильгельму и внушал большое доверие и уважение; поэтому он во всех затруднительных случаях обращался за советом к философу.

Локк как нельзя лучше воспользовался доверием короля и в одном из таких задушевных разговоров открыто высказал ему

мнение об университетском образовании, которое в то время сильно нуждалось в реформе; Локк выяснил королю также весь вред схоластического направления в науке.

Вильгельм Оранский, хотя и был ревностный кальвинист, отличался большой терпимостью, полностью разделяя взгляды Локка на этот предмет. В 1695 году Локк написал сочинение «О разумности христианской религии», которое вовлекло его снова в политику и возбудило опять ненависть к нему схоластов. Оксфордский университет постановил по возможности препятствовать распространению сочинений Локка.

Здоровье Локка заметно ухудшалось; жизнь в Лондоне была ему не просто вредна, но совершенно невыносима. Он принужден был оставить дом Шефтсбери и поселиться где-нибудь в деревне. Друзья наперерыв предлагали ему свои услуги; все считали за счастье и честь приютить у себя «великого странника» и предоставить ему все удобства к жизни. Выбор Локка остановился на Уайте, местечке в графстве Эссекс; там поселился он в доме рыцаря Мешема, за которым была замужем дочь его друга Кудворта, известного сочинениями духовного содержания.

Итак, Локку пришлось оставить Лондон в то время, когда философ так необходим был своему государю и Англии.

Глава IV

Леди Мешем. – Переписка ее с Лейбницем о взглядах Локка. – Локк и Ньютон. – Последние годы жизни Локка. – Кончина Локка. – Эпитафия. – Каст о характере Локка. – Переписка и дневники Локка. – Происхождение его «Опыта». – Предисловие к 6-му изданию «Опыта»

Мы приближаемся к последним годам жизни Локка. Этого философа нельзя причислить к мученикам науки и убеждений, если под именем мучений разуметь смертную казнь и такие страдания, от которых, как говорится, *волос становится дыбом.* Однако из того, что сказали мы здесь, нетрудно понять, как много выпало на долю Локка страданий в жизни. Внешние условия долго лишали его возможности приносить пользу людям в тех размерах, в которых это было ему желательно. Разумеется, многое зависело от него самого. Он не способен был добиваться этой возможности хитростью и насилием. Мы видели, что Локк только в крайнем случае *укрывался* от бурь житейских, но из оборонительного положения никогда не переходил в наступательное.

Занятия естественными науками и философией, бесспорно, доставляли ему удовольствие, но он видел в них не цель, а средство быть полезным своим близким.

Это обстоятельство имело на него большое влияние. Он больше нуждался в дружбе, чем гении, одаренные в высшей степени творческой силой, и меньше их верил в свою непогрешимость. Но зато он лишен был того вдохновения; которое так скрашивает жизнь. Чем старше и болезненнее становился Локк, тем более он нуждался в заботах и попечении людей, с которыми жил. Леди Мешем вполне заменила ему дочь, и ей, бесспорно, принадлежит видное место в биографии философа.

Дочь Кудворта получила самое строгое религиозное воспитание; оно рано приучило девушку серьезно относиться к жизни и к ее задачам. Любовь к умственному труду пробудилась в ней еще в юности; в те годы, когда другие девушки думали только о развлечениях и нарядах, она изучала философию и внимательно вслушивалась в серьезные разговоры собеседников своего отца. Она была очень хороша собой и отличалась цветущим здоровьем, но в улыбке ее было какое-то недосказанное или, вернее, бессознательное презрение. Она вообще очень гуманно относилась к людям, но ее слишком возмущало все ложное, безнравственное – все, что она так ясно видела своими

холодными, проницательными глазами. Идеи Локка пленяли ее ум, и его благочестие внушало ей глубокое уважение. Такие люди, к которым принадлежала леди Мешем, любят в жизни своей очень немногих, но глубоко преданы тем, кого любят. Занимаясь философией, леди Мешем никогда не думала посвятить себя ей всецело и сделаться ученой; она, как и все женщины, вышла замуж, но устроила свой домашний быт согласно своим идеям; в ее доме царствовало строгое благочестие; детей своих она воспитывала в духе Локка; ей посвятил философ последнее издание своих «Мыслей о воспитании». Жизнь в доме Мешемов вполне соответствовала вкусу и характеру Локка; к тому же он был самым уважаемым членом этой семьи.

Последние годы его жизни прошли вполне безмятежно. Он не только пожинал заслуженные лавры, но сознавал, что принес большую пользу человечеству, и это сознание было ему дорого и свято; в доме Мешемов все было проникнуто его влиянием, и он мог видеть и оценить все благотворные его последствия.

В корреспонденции Лейбница мы находим письмо королевы прусской Софии Шарлотты, начинающееся словами: «Я читаю сочинения Локка…», и письмо Лейбница к леди Мешем, заключающее критику философии Локка. София Шарлотта пришла в восторг от философии Локка, и можно предположить, что Лейбниц по ее желанию завязал переписку с леди Мешем. Дочь Кудворта воспользовалась этим случаем, чтобы послать Лейбницу сочинения своего отца. На письма же его, заключавшие критику воззрений Локка, она ответила строгой критикой взглядов ганноверского философа, которые, оказалось, ей как нельзя лучше были знакомы. Проникнутая взглядами своего друга Локка, она называет мысли Лейбница гипотезами. Лейбниц написал еще два письма леди Мешем в защиту своих собственных воззрений; в одном из этих писем он говорит: «Вы правы: я ставлю гипотезы, но они подтверждаются опытом». Эта переписка Лейбница с леди Мешем относится к 1703 году; Локк в то время был уже настолько слаб, что не мог защищать своих мыслей. Леди Мешем писала Лейбницу у постели своего умирающего друга. Письмо ее содержит в себе многие замечания к философии Лейбница, которые потом были высказаны Гёте.

Можно предположить, что по своему образованию, уму и строгой нравственности леди Мешем представляла в то время блестящее исключение из англичанок, о которых Маколей говорит следующее: «В последней половине XVII столетия образование женского ума, кажется, было в совершенном пренебрежении. Если девица имела малейшее понятие о

литературе, на нее смотрели как на чудо. Благородные, благовоспитанные и умные от природы женщины не могли написать строчки на своем родном языке без таких синтаксических и орфографических ошибок, каких теперь постыдилась бы даже ученица школы для бедных. Королева Мария была прекрасно одарена от природы, страстно любила историю и поэзию и пользовалась у весьма замечательных людей репутацией превосходно образованной женщины. Однако в Гаагской библиотеке есть великолепная английская библия, которая была поднесена Марии во время ее коронации в Вестминстерском аббатстве. На заглавном листе находится следующая собственноручная надпись королевы: „This book was given the king and I, at our crownation. Marie“ (Сия книга была дана король и я, во время нашей коронации).»

Итак, уровень женского образования был в то время очень низок, и стоять выше этого уровня было опаснее, нежели ниже его. Крайнее невежество и легкомыслие считались в женщине менее неприличными, нежели легчайший оттенок педантства.

Письма Лейбница к леди Мешем Локк переслал во Францию своему другу Молинё.

Сам же он говорит о них немного. Из письма Локка к Коллинзу видно, что Лейбниц до того времени был ему известен только как математик, и он относился не особенно дружелюбно к этому ганноверскому математику – вероятно, под влиянием Ньютона, с которым близко сошелся по возвращении яз Голландии. Локк очень деятельно переписывался с Ньютоном во время своего отсутствия в Лондоне. Ньютон тогда был психически нездоров, но нельзя сказать, чтобы *все* письма его к Локку носили отпечаток безусловного помешательства, – некоторые из них отличаются только большою нервностью. В одном из писем Ньютон извиняется перед Локком за то, что несправедливо заподозрил его в желании обидеть. В этом письме выражается глубокое душевное страдание, которое производит удручающее впечатление. Но в числе подобных писем мы находим одно, в котором Ньютон ясно излагает математическое доказательство законов Кеплера, отличное от находящегося в его «Началах».

Письма Локка к Ньютону напоминают отношения врача к больному; они проникнуты мужественным состраданием, которое выражается в спокойном осторожном опровержении сумасбродных мыслей омраченного гения.

В доме Мешема Локк подружился с французом Костом, о котором мы уже упоминали и который провел семь лет в доме рыцаря Мешема. Он имел полную возможность как нельзя лучше изучить характер Локка и хорошо знал все обстоятельства

последних лет жизни философа.

Кост говорит, что Локк в это время очень деятельно занимался изданием своего «Опыта» и других сочинений. «Опыт» выдержал шесть изданий при жизни Локка. Философ тратил также много времени на переписку с друзьями, которых у него было так много в Англии, Голландии и Франции. Лондонские знакомые нередко навещали его в доме Мешема, и чаще всех – его бывший ученик, философ Шефтсбери. Свои досуги Локк проводил в занятиях садоводством; он копал грядки в саду, сажал и сеял, насколько позволяли ему его слабые силы. Незадолго до своей смерти Локк сидел в саду вместе с Костом. Солнце сильно пекло, и это доставляло большое удовольствие Локку. Он поворачивался то той, то другой стороной к солнцу.

В это время по какому-то поводу Кост заговорил о Горации и припоминал следующие слова поэта, относящиеся к нему самому: «Лучи солнца действуют успокоительно на того, кто, как я, отличается горячим темпераментом». Локк заметил, что если ему позволительно проводить параллель между ним и Горацием, то он сравнил бы себя с поэтом в этом отношении. В этих словах Локк проявил свою обычную скромность. Горация же он ставил очень высоко и считал его самым замечательным человеком времен Августа, потому что только Гораций сумел остаться чуждым тщеславия и корыстолюбия и мог умерять свои желания. Локк говорил: «Я уважаю Горация за то, что он, состоя в дружбе с самыми влиятельными людьми, никогда и ни в чем от них не зависел».

Когда Локк умер, Кост находился в Англии. В своем письме к Леклерку, издателю «Nouvelles de la Republique des lettres», он так описывает его последние дни и минуты: «Около пяти часов вечера (27 октября 1704 года) у Локка появилась испарина вместе с такою слабостью, что можно было опасаться за его жизнь; Локку и самому это опасение приходило в голову; он просил не забыть его на вечерней молитве. Леди Метем спросила, не желает ли он, чтобы в этот день все вместе молились вечером в его комнате. Локк отвечал, что это было бы ему очень приятно, если бы никому не наделало хлопот. После молитвы он сделал несколько распоряжений на случай своей смерти, сохраняя большое присутствие духа, и долго говорил о благости Божией. Локк благодарил Бога главным образом за то, что ощущал его в душе своей. Он советовал окружающим как можно ревностнее исполнять свои человеческие обязанности. За несколько дней перед тем философ писал своему бывшему ученику и другу Коллинзу, что находит утешение только в воспоминании о тех добрых делах, которые сделал он в жизни. Спокойную совесть и

веру в будущую жизнь Локк считал единственными условиями счастия.

Локк как нельзя более любил своих близких. В последний год своей жизни он почти лишился слуха; это было для него величайшим несчастьем. Философ в отчаянии писал одному из своих друзей, что согласился бы лучше ослепнуть, чем оглохнуть, так как глухота мешает ему беседовать с людьми».

Накануне своей смерти Локк сказал леди Мешем: «Я убежден в том, что земная жизнь есть только приготовление к лучшей жизни. Я немало-таки пожил на свете и, благодарю Бога, был счастлив, но все же на эту жизнь смотрю как на нечто само по себе суетное и пустое». К ночи ему сделалось значительно хуже; на другой день утром его посадили в кресло и перенесли в рабочий кабинет. Отдохнув немного, он велел себя одеть и попросил леди Мешем, читавшую про себя псалмы, читать их вслух; она тотчас исполнила его желание, и он внимательно слушал ее чтение до самой своей кончины. Локк умер 28 октября 1704 года, на 73-м году жизни. Друзья похоронили философа неподалеку от его последнего жилища и памятник его украсили следующей эпитафией, написанной по-латински:

«Остановись, прохожий! Здесь лежит Джон Локк. Если ты спросишь, что это был за человек, этот памятник ответит тебе: Локк был человек, умевший довольствоваться немногим. Он воспитан был наукой и зашел так далеко, что мог служить только одной истине. Ты убедишься в этом, изучая его сочинения; из них ты узнаешь о нем более, чем из хвалебных речей. Его добродетели спорили с его скромностью, и он не решился бы поставить себя за образец тебе: его недостатки погребены вместе с ним».

Эта эпитафия, по всей вероятности, написана леди Мешем. В приведенном нами письме Коста к Леклерку мы находим также несколько страниц, относящихся к выяснению характера Локка, которыми мы также воспользуемся здесь. Кост набросал об этом несколько страниц в двух письмах.

«Вы слышали, – пишет Кост, – о смерти знаменитого Локка. Смерть есть наш общий удел! Локка же оплакивают все добрые люди, все искренние служители истины, знавшие характер этого философа. Действия его главным образом были направлены ко благу человечества. И я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь другой из его современников глубже сознавал свое благородное назначение и выполнил его с большим совершенством. Любовь к истине проявлялась во всех его поступках. Он искренне говорил, что истина была всегда ему дороже его собственных взглядов и мнений; этим обусловливалось его кроткое, терпеливое отношение к критике тех и других». Такое отношение к истине,

по мнению Коста, принесло не менее пользы, чем блестящий гений Локка.

Обладая знанием света и условий жизни, Локк отличался большой осторожностью, никогда не переходившей в трусливость. Он представлял к услугам каждого свою житейскую мудрость, свою опытность и свое знание, и, сверх того, сам служил для всех поучительным примером.

Локк всегда был готов войти в положение другого и дать хороший совет. Однако он в конце концов пришел к убеждению, что хорошие советы мало способствуют развитию в людях осмотрительности. И с каждым годом философ становился в этом отношении все сдержаннее. «Я часто слышал от Локка, – говорит Кост, – что когда он впервые узнал мнение о бесполезности советов, то оно в высшей степени его поразило, но впоследствии опыт убедил его в этой несомненной истине». Разумеется, под именем подобных советов Локк принимал, главным образом, непрошеные наставления. Несмотря на такое убеждение, Локк часто не мог ему следовать; участие к людям заставляло его вмешиваться в их дела; природная доброта брала верх над сдержанностью. Он останавливал, поучал, предостерегал, убеждал, воодушевлял и укреплял людей в добрых намерениях. Если же кто-нибудь искренне желал его совета, философ, конечно, удваивал свое усердие, и никому в этом случае не приходилось раскаиваться.

Он отличался чрезвычайной живостью ума и темперамента; увлекающийся характер и горячее искреннее отношение к людям не позволяли ему стоять в стороне от жизни.

Локк любил мысли, заключающие в себе что-нибудь полезное для. людей, и ум его был занят такими идеями; он любил развивать свои воззрения в беседах с друзьями. Большую часть времени философ отдавал серьезным и важным занятиям, а меньшую посвящал самым разнообразным благородным удовольствиям, предпочитая общество образованных и остроумных людей.

Многосторонняя жизнь и путешествия обогатили память Локка множеством интересных фактов и эпизодов. Локк обладал особенным искусством рассказывать занимательно и живо. Его шутки и остроты всегда отличались незлобивостью и тонкостью. Никто лучше Локка не мог понять и оценить внешние условия и приноровиться к ним. Эта гибкость особенно проявлялась в его контактах с людьми других профессий: с садовником он толковал о садоводстве, с ювелиром о драгоценных камнях; с химиками – о химии, и т. д. Вследствие такой способности он нравился решительно всем, особенно тем, кто мог говорить только о своей

специальности. Во-первых, таких людей восхищало внимание Локка к этой последней, во-вторых, они были довольны, чувствуя в своей области превосходство перед великим человеком. Доставляя это двойное удовольствие другим, Локк извлекал для себя пользу из таких разговоров со специалистами. Изучение различных явлений жизни он считал источником своей мудрости, говоря, что действительность дает в этом отношении больше, чем различные философские гипотезы. Кост рассказывает, что ему часто представлялась возможность наблюдать, как Локк, разговаривая с артистами и ремесленниками, обогащал их новыми взглядами на их искусство или ремесло, открывая им новые, неведомые тайны того и другого.

Во внешности Локка не было ничего, что обыкновенно приписывают философу; он держал себя и одевался как все.

Только грубость Локк не мог терпеливо выносить. Он всегда был верен своему слову и отличался большою осмотрительностью в выражении своих мнений о людях. Слабое здоровье не мешало ему быть деятельным и упорным в труде. Локк страстно любил природу и общество детей; он с большим интересом разговаривал с последними.

Соблюдая строгую диету и принимая всевозможные предосторожности против болезни, философ никогда не доставлял хлопот окружающим. Он пил только воду и считал это верным средством продлить жизнь.

Локк не любил писателей, употреблявших весь свой талант на разрушение каких-нибудь воззрений; он говорил о таких: «Им не нравится то, что есть; в существующем они находят только ошибки и с удовольствием его уничтожают; попробовали бы лучше заменить старое чем-нибудь новым».

Локк советовал всем имеющим привычку размышлять о чем-нибудь записывать всякую новую мысль как можно скорее; это, по его мнению, облегчает возможность установить связь между собственными отдельными мыслями; Локк считал, что ум человеческий не в силах сохранить в памяти все промежуточные звенья длинного ряда выводов и потому в нем необходимо должны являться пробелы, препятствующие ясности окончательного вывода. Этим, по его мнению, объясняется, что часто взгляды, восхищающие нас, теряют свое очарование и кажутся нам несостоятельными после того, как мы рассмотрим внимательно все положения, на которых они основаны.

Локк считал также необходимым сообщать для проверки свои мысли друзьям, прежде чем отдавать их на суд публики. Он не мог понять, как можно упустить из виду, что рассудок человеческий слаб, подвержен ошибкам и заблуждениям. Никто

лучше Локка не умел также располагать своим временем.

Он чрезвычайно любил порядок и во всех своих делах, больших и малых, отличался крайней точностью. К нему более чем к кому-нибудь другому относятся слова: он одинаково был способен к великим и малым делам.

Переходя от жизни Локка к его философской деятельности, мы остановимся на его манере писать и на отношении к своим собственным трудам.

После Локка осталась большая переписка, дневники его путешествий и первоначальные наброски его мыслей. Письма его, как и дневники, отличаются удивительной объективностью. Из тех и других мы очень немного можем узнать о внутренней жизни Локка, но они ценны в двух отношениях: во-первых, как собрание самых разносторонних наблюдений и остроумных, проницательных замечаний, а во-вторых, – как закулисная сторона, или *изнанка* умственной деятельности Локка. Из них мы узнаем, как и при каких условиях зарождались его мысли, в какой форме они выражены были им вначале. Локк так аккуратно записывал свои мысли и так бережно хранил все свои рукописи, что мы можем проследить всю историю создания его трудов. Это был бы большой труд, но вполне возможный. И в этой возможности заключается особенность Локка. Обыкновенно мы не имеем возможности восстановить тот путь, каким великий мыслитель приходит к открытию истины.

Само собой разумеется, мы не можем здесь предпринять такого исследования деятельности Локка. Мы укажем только на обстоятельство возникновения его капитального труда, известного под названием «Опыт исследования человеческого разума».

Происхождение этой книги представляет нечто характерное. Локк передает его следующим образом: «Однажды у меня собралось небольшое общество, пять-шесть человек; зашел разговор о предметах, не имеющих ничего общего с содержанием книги. Наблюдая за развитием разговора и ходом мыслей, я заметил, что затруднения в выводах представлялись со всех сторон, и старался уяснить себе причину этого, причем нашел, что она кроется в недостаточном знакомстве с самими свойствами нашей познавательной способности. Я тотчас же сообщил эту мысль своим друзьям; они нашли ее справедливой и пожелали ей дальнейшего развития. Я тут же передал им, что в данную минуту думал об этом предмете, и возбудил в них большой интерес; они убедили меня заняться исследованием законов нашего мышления. Итак, настоящий труд своим началом обязан случаю, а продолжением – просьбе нескольких друзей. Я

отдавался ему урывками, писал, когда было время, не соблюдая строгой последовательности, смотря по обстоятельствам и своему настроению. Мое расстроенное здоровье привело меня в тихое уединенное пристанище, и там мне удалось привести в порядок свой труд. Но все же на нем лежит отпечаток неправильной работы; о многом сказано слишком кратко, многое же растянуто. Замечая все это, я не могу решиться переделать всю книгу; не знаю, что служит помехой этому – лень или другие занятия».

Локк, как и Аристотель, не любил тратить много времени на отделку своих сочинений.

В предисловии к пятому изданию «Опыта» Локк говорит:

«Любезный читатель! Я отдаю в твои руки свой труд, который служил мне развлечением в часы досуга и утешением в тяжелые минуты.

Поиск истины есть своего рода охота, где уже сам процесс преследования доставляет наслаждение.

Разум, подобно глазу, рассматривает предметы со своей точки зрения; то, что он видит, должно доставлять ему удовольствие, а то, что от него сокрыто, не может его печалить. Если человек живет собственным умом, а не собирает как милостыню чужие мысли, то он постоянно испытывает наслаждение в поиске истины, и чем больше требуется труда, тем большие радости выпадают на его долю. Он употребляет на *пользу* свое время и в том случае, когда не совершает ничего крупного, необыкновенного. Думать самостоятельно по силам каждому, поэтому каждому доступно и наслаждение, сопровождающее самостоятельное мышление.

Мой труд не заключает в себе положений, в которых я не вполне убежден, но я тоже могу заблуждаться.

Я предназначаю свою книгу не для людей уже вполне знакомых с предметом, а для тех, кому следует еще поучиться».

Глава V

Локк как философ. – Главные положения философии Локка. Отрицание врожденных идей и признание опыта единственным источником нашего знания. – «Опыт исследования человеческого разума». – Мнение Локка о законах нравственности и свободе воли. – Отношение Локка к религии и вопросам теологии. – Материализм как следствие эмпиризма. – Особенность английских философов – Бэкона, Гоббса, Локка и Юма.

Джон Локк – отец не только современного эмпиризма, но и материализма. Его философия теории познавания состоит в развитии двух главных мыслей, из которых первая есть отрицание у человека врожденных идей, а вторая – утверждение, что источником всего нашего знания служит опыт.

Многие, говорит Локк, придерживаются мнения, что существуют врожденные идеи, возникающие в душе в самый момент ее зарождения; эти идеи она приносит будто бы с собой в мир. Врожденность же идей доказывают тем, что они являются чем-то общим, безусловным для всех без исключения. Если бы последнее и действительно имело место, то общность идей не служила бы доказательством их врожденности. Но мы не видим даже безусловной общности каких бы то ни было идей ни в теории, ни в практике. Мы не найдем ни одного правила нравственности, которое бы существовало у *всех* народов, во *все* времена. Дети и идиоты часто не имеют понятия о простейших аксиомах. Все это говорит против врожденности идей. К познанию простейших истин приходим мы рассуждением; но они отнюдь не предшествуют рассуждению. Наше первоначальное знание состоит не из общих положений, а из отдельных впечатлений частного характера. Дитя отличает горькое от сладкого, темное от светлого и так далее. Разум или душа при появлении своем на свет представляют белый лист бумаги, пустое пространство и так далее. После всего этого неизбежен вопрос: откуда же являются у нас идеи? Несомненно, мы получаем их из опыта, которым, таким образом, обусловливается все наше знание и все самые общие его законы. Опыт же наш двоякого происхождения: мы познаем внешний мир или посредством наших органов чувств, или сознанием внутренней деятельности нашей души, то есть рассуждением. Ощущение и рассуждение дают нашему разуму все идеи.

Локк поставил себе задачей уяснить происхождение идей из этих двух источников. Он различает идеи (представления)

простые и сложные. *Простыми* идеями он называет отражения действительности в нашей душе, как в зеркале. Большею частью простые идеи или представления мы получаем посредством одного какого-нибудь чувства, например, представление о цвете дается нам зрением, представление о твердости – осязанием; но к ним также частью относятся представления, являющиеся результатом деятельности нескольких чувств; таковы идеи протяжения и движения, получаемые при помощи осязания и зрения. В числе простых идей или представлений встречаем мы также обязанные своим происхождением деятельности исключительно рассудка – такова идея воли; наконец, идеи также могут создаваться совместной деятельностью органов чувств и размышления – таковы понятия о силе, единице, последовательности.

Все эти вместе взятые простейшие идеи составляют азбуку нашего знания. Различные комбинации звуков и слов создают язык; точно так же наш разум, соединяя различными способами идеи между собою, создает сложные идеи.

Сложные идеи Локк делит на три класса: идеи изменений, идеи сущностей и идеи отношений. Под первыми Локк подразумевает изменение пространства (расстояние, измерение, неизмеримость, поверхность фигуры и т. д.); времени (продолжительность, вечность); процесса мышления (впечатление, восприятие, воспоминание, способность отвлечения и т. д.).

Главное внимание Локк уделяет понятию сущности. Происхождение этого понятия он объясняет следующим образом: наши чувства и наш ум убеждают нас в существовании известных сочетаний простейших идей, которые чаще всего встречаются. Мы не можем допустить, чтобы эти простейшие идеи соединялись сами собою; мы приписываем это соединение какому-нибудь *основанию* и называем его сущностью. Сущность есть нечто неизвестное само по себе; мы знаем только ее отдельные свойства. От рассмотрения понятия сущности Локк переходит к идее отношения. Отношение возникает тогда, когда разум сопоставляет между собою две вещи или сравнивает их. Такое сравнение возможно для всех вещей, поэтому трудно перечислить все возможные отношения между предметами. Вследствие этого Локк останавливается на самых главных из них – на понятии тождества и различия и на отношении причины и следствия. Идея причины возникает, когда мы видим, что одно явление неизменно предшествует другому. Вообще же сочетание идей дает нам знание; оно относится к простым и сложным идеям так же, как предложение относится к словам, слогам и буквам. Из всего этого

следует, что наше знание не выходит из пределов опыта, так как мы имеем дело только с идеями, которые, по мнению Локка, возникают в нас исключительно при помощи внутреннего и внешнего опыта. Вот основная мысль Локка. Он высказал эти воззрения с большой отчетливостью и ясностью во всех своих сочинениях, посвятив им главным образом «Опыт исследования человеческого разума». Начало этого труда относится к 1670 году. Локк писал его в продолжение девятнадцати лет. Он вышел в свет в 1689 году. В этот промежуток времени Локк часто менял место своего пребывания, четыре года он прожил во Франции, затем вернулся в Англию, где пробыл не более года; в 1679 году он поселился в Голландии. В 1688 году Локк получил возможность возвратиться в Англию и окончил свой «Опыт» в доме лордов Ашли, где он и начинал этот труд. «Опыт» состоит из четырех книг: 1) «О врожденных идеях»; 2) «О представлениях»; 3) «О словах»; 4) «О знании и мнении». Во второй книге рассматриваются представления сами по себе, независимо от их истинности. В четвертой книге Локк дает критическую оценку знания, то есть говорит о представлениях, дающих истинное знание действительности, и рассматривает мнение и веру как промежуточные ступени к истинному знанию. Итак, содержанием второй и четвертой книг исчерпывается самое существенное в этом сочинении. В третьей книге рассматривается язык как средство для сообщения и утверждения знания. Что касается первой книги, то она служит как бы приготовлением читателя к пониманию воззрений Локка. Локк сам говорит в своем заключении, что он предназначает свою первую книгу к очищению пути для собственного исследования; поэтому ее содержание имеет отрицательный характер. Локк употребляет все усилия, чтобы разрушить веру в существование врожденных идей. Во времена Локка врожденные идеи играли большую роль в философии. Декарт считал понятие о Боге врожденным. Его последователи значительно расширили это понятие и основали учение о нравственности и праве исключительно на основных положениях, признанных ими за врожденные. Такая вера во врожденные идеи грозила опасностью дальнейшему развитию науки, поэтому Локк считал первой своей обязанностью вступить в борьбу с врожденными идеями. Для этой борьбы необходимо было поставить читателя на новую точку зрения, которая и выяснена вполне во второй книге «Опыта». Первая книга не заключает в себе никаких строгих доказательств. Несмотря на это, читатель с первых же страниц убеждается, что истина на стороне Локка и врожденных идей в том смысле, в каком их понимали в то время, нет. Локк начал свои занятия философией с

изучения Декарта. Направление Декарта было в то время господствующим во Франции и отчасти в Англии. Спиноза держался также того мнения, что понятие о Боге есть врожденное. В древности это признавал Цицерон и пользовался этим для доказательства того, что Бог действительно существует. Локк, хотя и отрицал врожденность понятия о Боге, но в благочестии не уступал своим предшественникам и, конечно, не сомневался в существовании высшего начала, но утверждал, что представление о Боге мы получаем при помощи опыта, рассматривая его творения. Эмпиризм не помешал Локку остаться религиозным человеком. Эта религиозность, как мы увидим дальше, отчетливо проявляется в философии Локка; он, несомненно, принадлежал к числу тех редких людей, у которых философия счастливо уживается с религией и идет с нею как бы рука об руку.

Мы говорили уже, среди каких условий возникло главное сочинение Локка; оно не имело ничего общего с кабинетным трудом других философов. Локк создал его, как говорят, *на людях*. Оно имеет все достоинства и недостатки своего происхождения, не отличается утонченной строгостью и систематичностью; но в то же время изложение его просто, живо и общедоступно.

Особого внимания заслуживает третья книга «Опыта», посвященная исследованиям свойств языка; в ней отчетливо выступают все особенности ума и характера Локка; мы находим здесь множество наблюдений, прямо выхваченных из жизни, которые своей правдивостью способны заставить задуматься самого поверхностного человека. Многое представляет только дальнейшее развитие мыслей Бэкона «о словесной мудрости»; но большая часть взглядов принадлежит Локку. Разумеется, наука о языке сделала огромный шаг вперед со времени Локка. Тогда еще царило мнение, что образование языка не подчиняется никаким определенным законам. Долгое время спустя стали искать естественного соотношения между созвучием слова и предметом, который оно обозначает. Рассуждения Локка о языке современному лингвисту могут показаться наивными; но педагог, адвокат и вообще всякий человек с общим образованием найдут в них много верного и полезного для себя. Взгляды и объяснения явлений рано или поздно отживают свой век, а верно схваченные факты – плод наблюдений – никогда не утрачивают своего значения. Лейбниц говорит: язык есть лучшее зеркало нашего ума и души, а потому исследование происхождения слов в состоянии привести нас к пониманию деятельности нашего разума и процессов нашего мышления. Локк, очевидно, был в этом отношении одного мнения с Лейбницем и посвятил много

времени на изучение связи, существующей между языком и мышлением.

Несовершенство языка, по мнению Локка, зависит от четырех главных причин; оно проявляется: 1) когда идеи, выражаемые словами, слишком сложны и состоят из многих простых идей, соединенных вместе; 2) когда идеи не состоят ни в какой естественной связи между собою; 3) когда они относятся к недоступному нам предмету; 4) когда значение слова не отвечает сущности предмета. Злоупотребление языком также зависит от различных причин: от употребления слов, с которыми не связано никакое ясное представление; от усвоения слова ранее, чем понято его значение; от употребления одного и того же слова в различных значениях; от приложения слов к идеям, отличным от тех, которые они обыкновенно обозначают; от применения их к предметам, не существующим или малодоступным.

Эти замечания Локка, не имея никакой ценности в научном отношении, очень важны на практике, где обыкновенно не придают должного значения употреблению языка и часто им злоупотребляют.

Все то, что мы сказали, достаточно характеризует теорию познавания, оставленную нам Локком; она не отличается сложностью и доступна каждому непосвященному в тайны философии.

Перейдем теперь к изложению других отделов философии Локка, имеющих также весьма важное значение для всех и каждого. Теория нравственности, созданная этим философом, имела, как мы увидим, большое влияние.

Локк отрицал также существование врожденных законов нравственности. Под последними он понимал основные положения права и морали, с которыми должны согласоваться взаимные отношения между отдельными людьми и народами – одним словом, все правила общежития. Но что же следует понимать под названием врожденных идей нравственности? То, что стоики признавали истинным разумом, Спиноза называл духовной любовью к Богу, а Гроций – природой вещей. Все это обозначало *нечто* неведомое, руководящее нашими поступками; потом это неведомое получило название «врожденные идеи нравственности». Оспаривая существование таких идей, Локк невольно подрывал основание всех когда-либо существовавших учений о нравственности. Он утверждал, что никаких общих законов нравственности не существует, и стремился доказать, что все до единого правила нравственности изменяются с течением времени; сверх того, Локк приводил в доказательство справедливости своего мнения то, что и в настоящее время в

различных странах встречаем мы прямо противоположные правила нравственности, чего никак не могло бы быть, если бы существовала одна врожденная идея нравственности, к которой можно было бы свести все остальные. Локк не признает также неизменности так называемого внутреннего голоса или голоса совести, говоря, что и сама совесть не одинакова у различных людей и народов, потому что и она является результатом воспитания и условий жизни. Мы *привыкаем* с детства считать хорошим то, что называют добром наши родители и другие люди, которым мы верим. Мы часто не имеем ни желания, ни времени рассуждать о принятом в детстве на веру и признаем охотно, что родились на свет с такими понятиями, не зная, как и откуда они у нас явились. Вот, по мнению Локка, истинная история врожденных идей! Это вдобавок объясняется еще тем, что никакое учение о нравственности и праве невозможно без *допущения* существования общего закона. Закон же может исходить только от законодателя, в непогрешимости которого мы не можем сомневаться и который один имеет власть карать и миловать. Таким законодателем может быть только всеведущий Бог, и потому право и нравственность находят свое основание не во врожденных идеях, а в *Божественном откровении.* Мы видим далее, что Локк как нельзя более легко выводит общее основание нравственности, но встречает большие трудности в примирении с этим Божественным откровением всех различных правил общежития и нравственности, разнообразие которых в глазах наблюдателя бесконечно. Он едва находит возможность установить три самые общие положения нравственности: 1) вера в Бога и в его всемогущество; признание власти государя и народа; 2) страх перед наказанием и стремление к награде руководит нашими поступками; наконец, 3) признание нравственности христианской и никакой другой. Нельзя не сознаться, что все это мало выяснено, но мы не можем строго винить Локка в том, что его теория нравственности не отличается такою ясностью, как теория познавания. И по настоящее время никому еще не удалось открыть основной закон нашей нравственной природы, хотя за эту задачу брались такие люди, как, например, Конт. В Англии непосредственно после Локка занимались теорией нравственности Шефтсбери и Юм; они брали за основной закон чувство любви к ближнему. Вольф, в Германии, тот же закон облекает в иную форму и основывает теорию нравственности на постоянном стремлении человека к духовному совершенству. Лейбниц, в противоположность Локку, признавал существование врожденных идей нравственности, которым приписывал инстинктивный характер; он говорит: правила нравственности мы

не сознаем, но чувствуем инстинктивно. Все это, конечно, также нисколько не уясняет происхождения нравственного начала.

Вопросы о нравственности тесно связаны с вопросом о свободе воли, поэтому мы считаем уместным здесь же привести мнение Локка и об этом последнем. Локк признает, что волей нашей управляет исключительно стремление к счастью. Такой взгляд невольно установился под влиянием наблюдения действительности. Но философу, очевидно, не понравился этот двигатель всех наших действий, и он постарался придать слову «счастье» самое широкое значение; однако ему не удалось растянуть это понятие до такой степени, чтобы объяснить им действия *добровольных* мучеников… Локк утверждает, что мышление в силах подавить всякую страсть и дать разумное направление воле; в этой власти рассудка, по его мнению, и состоит свобода человека. Если принять такое определение свободы воли, то придется допустить, что не все люди обладают в одинаковой степени свободой воли, а иные и совершенно ее лишены, ибо почему-нибудь же существует немецкая пословица: «Я вижу и оправдываю лучшее, а следую худому». Локк признает нравственными только те действия, которые исходят от рассудка; он убежден в том, что если человек взвешивает хорошо свои действия и предвидит их последствия, то всегда поступает справедливо.

Таким образом, Локк в этом отношении вполне сходится с Сократом, признавая, что просвещенный ум непременно ведет к доброй нравственности. Замечательно, что такое мнение и у Локка, и у Сократа явилось следствием непосредственного изучения действительности. Но этим не ограничивается сходство Локка с Сократом; оба они излагали свои мысли, не мудрствуя лукаво. Чтобы дать понятие об изложении Локка, приведем его определения удовольствия, любви, гнева и так далее, которые мы заимствуем из «Опыта». Удовольствие и боль – простые представления. Между представлениями, получаемыми посредством органов чувств, ощущения удовольствия и боли самые главные, всякое впечатление сопровождается чувством удовольствия или чувством боли или не вызывает никакого чувства; то же относится к мышлению и настроению нашей души; чувство боли и удовольствия, как всякое простейшее представление, невозможно ни описать, ни определить; эти чувства могут быть известны, как все впечатления, только посредством собственного опыта.

От этих элементарных чувств Локк переходит к более сложным. «Что называется добром и злом? Все вещи хороши или дурны, смотря по тому, вызывают ли они удовольствие или

причиняют боль. Мы называем добром все то, что вызывает в нас чувство удовольствия или его возвышает и устраняет боль или уменьшает ее. Наоборот, мы называем злом все, что возбуждает боль, увеличивает ее или лишает нас добра. Под именем удовольствия и боли я понимаю столько же телесные, сколько и душевные состояния; обыкновенно их различают между собою, тогда как и те, и другие в сущности только различные состояния души, вызываемые изменениями, происходящими в теле или в самой душе».

Удовольствие и страдание и причины их – добро и зло – суть центры, около которых вращаются наши страсти. Представление о них возникает посредством самонаблюдения и исследования их различного влияния на изменение состояний и настроений души.

Далее следует определение чувств более сложных: любви, ненависти и радости.

«Любовь. Если кто-нибудь остановит свое внимание на представлении удовольствия, соединенного с присутствующим или отсутствующим предметом, он получит понятие о любви. Если кто-нибудь говорит осенью, лакомясь виноградом, или весною, когда его нет, что любит виноград, то это означает только, что вкус винограда доставляет ему удовольствие. Если же расстроенное здоровье или изменение во вкусе уничтожат это удовольствие, то нельзя ему будет сказать, что он любит виноград.

Ненависть. Наоборот, мысль о боли, причиняемой отсутствующим или присутствующим предметом, и есть то, что мы называем ненавистью. Представления о любви и ненависти суть не более как состояния души в отношении к удовольствию и к боли вообще без различия причин, из которых они происходят.

Желание. Желание – более или менее живое чувство, происходящее от отсутствия того, что соединяется с представлением об удовольствии; оно повышается и понижается вместе с увеличением и уменьшением последнего чувства.

Радость. Радость есть удовлетворенное состояние души под влиянием сознания, что обладание добром достигнуто или будет достигнуто в скором времени».

Печаль Локк определяет как противоположное чувство. Таким же характером отличаются определения надежды, страха, сомнения, гнева, зависти и иных страстей, свойственных всем людям.

Существует общее мнение, что характер писателя следует изучать в его сочинениях. Это мнение является безусловной истиной в отношении к Локку. Отсутствие тщеславия и природная откровенность дали полную возможность проявиться

характеру Локка во всех его сочинениях. Это замечание главным образом относится к его «Опыту» и к «Мыслям о воспитании», о которых будет говориться в следующей главе. Мы везде видим перед собою мыслящего и наблюдательного человека, глубоко доброжелательного и в высшей степени простого. Нам известно, какой пышностью стремился Бэкон обставить себя и свою философскую деятельность. Локк в этом отношении представляет совершенную противоположность Бэкону. Он писал не под звуки торжественной музыки, как Бэкон, а находился в настроении, так сказать, самом обыкновенном. Мы не замечаем в нем высокого вдохновения, зато находим трогательное внимание к нуждам обыкновенных людей. Ясно и отчетливо представляет он себе своего читателя, но, понимая все его недостатки, не обнаруживает никакого презрения к его немощам. Он держит себя запросто со своим читателем, хотя и сознает, что оттого проигрывает, может быть, во мнении многих. «Я знаю, – говорит он, – что моя откровенность вредит моей славе», – и продолжает быть откровенным.

В подтверждение сказанного приведем мысль Локка об ограниченности человеческого разума.

«Наша способность познавания соразмерна с нашими потребностями. Как бы ни был ограничен разум человека, мы должны благодарить за него Создателя, потому что он далеко оставляет за собой мыслительные способности всех других обитателей нашей Земли. Наш разум дает нам возможность составить себе необходимое понятие о добродетели и устроить земную жизнь так, чтобы она вела к лучшей жизни. Мы не в силах постигнуть сокровенных тайн природы; но того, что мы можем понять, совершенно достаточно, чтобы составить себе понятие о благости Творца и о наших собственных обязанностях. Мы не будем жаловаться на пределы нашего знания, если займемся тем, что для нас действительно полезно. За неимением солнечного света мы будем работать и при свечах; наша свеча горит довольно ярко для того дела, которое нам необходимо совершить. Если у нас нет крыльев, то мы во всяком случае можем ходить. Нам нет надобности знать все, а только то, что непосредственно относится к жизни. Человек напрасно забирается в глубины, теряя почву под ногами; он не должен переступать круга, отделяющего светлое от темного, доступное нашему уму от недоступного.

Неразумно также сомневаться во всем, если многое в точности нам известно.

Сомнение подрывает наши силы, лишает бодрости, заставляет опускать руки».

Дух смиренномудрия, навеянного религией., сказывается

здесь в каждом слове; но к смиренномудрию примешивается также бодрость практического человека. В собрании сочинений Локка нас поражает обширное место, занимаемое статьями по вопросам богословия. Одно толкование писаний апостола Павла, вероятно, поглотило труды многих лет; письма о веротерпимости, письма о чудесах и объемистая переписка с епископом Ворчестерским также содержат в себе вопросы религии. Мы коснемся этих сочинений постольку, поскольку в них проявился характер Локка. В 1695 году Локк напечатал свое рассуждение о христианстве, в котором стремился доказать, что христианская религия, очищенная от всяких позднейших примесей, есть самое разумное учение о нравственности. По поводу этого последнего сочинения и началась полемика Локка с епископом, которую Локк поддерживал с большим искусством и хладнокровием. Ученому теологу пришлось уступить и в богословском споре отдать пальму первенства остроумному философу. Все были на стороне Локка и радовались его победе, потому что он победил разумом и сделал это с большой скромностью и достоинством.

Примирение философии с религией было главной задачей в жизни Локка, и нетрудно себе представить, что задача эта была нелегкая. Ум Локка, смиренный религией, все же часто выходит из намеченного им самим заколдованного круга, стремится к смелым выводам, которые потом приходилось оправдывать и кое-как связывать с религией.

Мы знаем, какое важное место занимала религия в жизни Локка, и все же она не могла помешать ему высказать мысли, впоследствии послужившие основанием для материализма. Отрицание врожденных идей дало начало эмпиризму, а в руках французов перешло в сенсуализм и материализм.

Признавая опыт единственным источником нашего знания, Локк на этом остановился и не мог вывести тех следствий из этого положения, которые потом были выведены Кондильяком и послужили к разрушению многих основ нравственности и религии.

Ни один из последователей Локка в Англии не дошел до таких крайностей, несовместных с благочестием и консервативностью англичан.

Локк, хоть и изучал медицину и естественные науки, занимался последними сравнительно немного; его натурфилософия вся в нескольких страницах; однако он и здесь, можно сказать, очистил путь своему великому соотечественнику Ньютону. Идеи Локка привели Юма к скептицизму. Но в средине XVIII века в английской философии вспыхнула реакция против воззрений Локка и Юма. Во Франции же в это время царствовал

материализм и развивался принцип эгоистической нравственности… Мог ли предвидеть Локк, что мысли, созревшие в его голове, принесут такие плоды… К счастью для прогресса, нам неизвестна судьба наших собственных идей, то есть те следствия, которые выведут из них грядущие поколения; это и открывает нам возможность отдаваться нашим мыслям, так сказать, без оглядки.

Восставая против схоластики, Локк не мог, однако, от нее отказаться вполне. И это в порядке вещей.

Декарт и Спиноза во Франции и в Голландии также боролись со схоластикой, но сами они не совсем были свободны от привычных приемов; только в области естествознания и математики им удалось ввести методы наблюдения и индукции. Великие ученые Англии, Франции, Италии и Германии, прилагая эти новые методы, сделали те величайшие открытия, которые послужили основанием современного естествознания.

В Германии ученые долгое время восставали против эмпиризма, Лейбниц и Вольф были противниками Локка. Кант приблизился к Локку, но в то же время не мог не признать существования понятий, a priori. Фихте, Шеллинг и Гегель употребили все свои усилия восстановить права чистого мышления. Несмотря на то, эмпиризм завоевал себе наконец надлежащее место и в Германии…

Кирхман сравнивает Локка с Сократом, который низвел философию с неба на землю и заставил ее служить действительности. В области логики Локк явился прямым преемником Аристотеля; продолжая исследование законов мышления, он приложил метод индукции к явлениям внутренней жизни. Это было сопряжено с еще большей трудностью, чем применение его к явлениям физическим, которое тоже подвигалось весьма медленно.

Метод индукции имеет большую важность для обыкновенных людей, потому что открывает им возможность тихим, но верным шагом добираться до истины. В этом отношении заслуги английской философии громадны.

Они обусловлены характерной особенностью величайших философов Англии: Бэкона, Гоббса, Локка и Юма; эти философы не были учеными по профессии, а просто выдающимися людьми своего времени. Они изучали философию и науки вследствие особой склонности к таким занятиям, которую не могли заглушить ни обязанности государственной службы, ни какие-либо политические планы и житейские интересы. Предаваясь философии, английские философы не отрешались от жизни, но принимали самое деятельное участие в борьбе за религиозные

воззрения и политические убеждения, подвергались преследованиям, изгнанию из отечества; они принуждены были искать убежища в чужих странах. Такие условия жизни обогащали их опытом, знанием людей; результатом всего этого явилось у них глубокое и всестороннее понимание жизни и природы человека. Любовь к действительности была отличительной чертой английских философов, и эта любовь помогла им освободить философию от схоластики. Знакомство с жизнью спасло их от односторонности, свойственной кабинетным ученым; они глубоко осознали важность индукции для философии и высказали это с такою ясностью, что убедили всех образованных людей. Это направление в философии, получившее название эмпирического, и было окончательно установлено Локком. Бэкон же положил начало эмпиризму, требуя приложения нового метода главным образом к явлениям мертвой природы.

В заключение мы коснемся классификации наук, которой придерживается Локк. Он, как и древние греки, делит науки на физику, логику и этику. То, что Локк называет логикой, скорее можно назвать философией знания; противоположная ей наука есть философия бытия, она распадается на философию природы и философию души; к последней относится теория нравственности, права и эстетики, или учение об искусствах. К философии знания принадлежит старая аристотелевская логика; в нее также входит наука о языке. Теологии мы не находим между науками; она, по мнению Локка, не наука, потому что основана на откровении. К философии Локк причисляет также философию истории.

В этой классификации также выражается как нельзя лучше характер Локка: как видно, его мало интересовал этот вопрос, в решении которого он не видел прямой пользы для своих читателей. Это стремление к полезному, выразителем которого явился Локк, принесло также плоды, непредвиденные Локком, но созревшие на его родной почве; оно перешло со временем в утилитаризм, пустивший такие глубокие корни в Англии.

Любовь к действительности и желание принести непосредственную пользу людям привели Локка к педагогической деятельности, которая, в свою очередь, оказала влияние на его философию. В педагогических взглядах Локка так ясно выразилась его личность, что мы считаем нужным посвятить им следующую главу.

Глава VI

Педагогическая деятельность Локка. – Отношение педагогической деятельности Локка к его философии. – Мнение Екатерины II о Локке. – Педагогический трактат Локка «Мысли о воспитании». – Педагогические идеалы Аристотеля и Локка – «свободный человек» и «джентльмен». – Общий характер воззрений Локка на воспитание и образование.

Локк посвятил много сил и времени педагогической деятельности, поэтому ей должно быть отведено подобающее место в его биографии. Нам известно, что многие философы более или менее занимались теорией и практикой воспитания юношества. Одни начинали с педагогической деятельности, и она приводила их к общим вопросам о человеческой природе и к философии; другие, наоборот, занимались педагогической деятельностью, чтобы проверить свои воззрения на природу человека или осуществить свои общие задачи. К числу последних принадлежал Локк. Мы уже знаем, что он любил беседовать с детьми и занимался воспитанием двух поколений лордов Ашли. В то же время педагогическая деятельность никогда не служила ему ремеслом, он искал в ней, очевидно, осуществление своего идеала *джентльмена* и вообще непосредственного знакомства с природой человека. Из этого следует, что Локка нельзя считать таким педагогом-философом, какими были Песталоцци и Гербарт. Несмотря на то, педагогическая деятельность состоит в тесной связи с его философией. Педагогика прикрепила философа к земле и не дала, так сказать, отрасти его крыльям; он постоянно думал об обыкновенных людях, их задачах и силах. Может быть, педагогическая деятельность и сделала Локка великим учителем обыкновенных людей всех времен.

Локк и в глубокой старости не переставал интересоваться вопросами воспитания, давая в этом деле советы своему другу, леди Мешем.

Самое характеристическое и ценное в воззрениях Локка – это отсутствие рутины: «Мысли о воспитании» заключают в себе энергичное воззвание к самостоятельной независимой деятельности на педагогическом поприще. Таково же влияние всех сочинений Локка; оно будет всегда плодотворно, как бы ни устарели его отдельные взгляды.

«Мысли» Локка оказали свое благотворное влияние и на педагогическое дело в России. Это сочинение трижды было переведено на русский язык в 1838, 1858 и 1890 годах. Второй перевод мы находим в «Русском педагогическом журнале»,

редактором которого в то время состоял известный педагог Вышнеградский; последний стремился оживить педагогическое дело в России, избавить его от формалистики и рутины. Влияние Локка бросается в глаза и в знаменитом наказе Екатерины Второй, и в статьях современных нам русских педагогов. Д'Аламбер написал однажды русской императрице: «Во французской литературе только одна новость: один епископ провозгласил Локка и Ньютона нечестивыми». Императрица отвечала с явным негодованием: «Локк и Ньютон не должны чувствовать боли (ни того, ни другого тогда не было на свете) от укуса шмеля; тот не друг истины, кто откажется назвать их великими людьми; в том нет ума, кто клеймит их именем нечестивых». Лагарп, воспитатель Александра I, говорит, что императрица требовала, чтобы августейшие внуки ее учились бы так же охотно, как и играли. В этом требовании проявляется также влияние Локка. Физическое же воспитание великих князей совершенно отвечало программе Локка. Сподвижник императрицы, Бецкий, был также рьяным приверженцем Локка. Во Франции, где в восемнадцатом столетии влияние идей Локка было вообще очень велико, его взгляды на воспитание оказали сильное влияние на Руссо. Сочинения энциклопедистов, проникнутые идеями Локка, по всей вероятности, распространили эти идеи в России. Главное педагогическое сочинение Локка – «Мысли о воспитании», – как и все другие его сочинения, представляет ряд размышлений над явлениями действительной жизни. Локк не обнаруживает ни малейшей претензии создать какую-нибудь цельную систему воспитания – напротив, стремится обратить внимание родителей и воспитателей на важность строгого и серьезного отношения к этому делу. Любовью к детям проникнуто все сочинение Локка, и любовь эта трогательна главным образом потому, что нигде не переходит в сентиментальность, а выражается сдержанно и на деле. Это сочинение имело громадный успех в Англии и было вскоре же переведено на все европейские языки.

Локк начинает свою книгу о воспитании следующими словами: «Здравый дух живет в здоровом теле».

Много и подробно говорит он о том, что нужно делать для того, чтобы укрепить молодое тело и закалить его для борьбы со всевозможными вредными влияниями, предлагая целую систему правил физического воспитания. Многие из этих правил не отвечают настоящему состоянию науки. Но главная мысль Локка не утратила своей верности; он стремится к тому, чтобы человек был ближе к природе, избегал бы всего искусственного и расслабляющего.

В конце своего трактата о воспитании автор говорит:

«Я покончил со всем тем, что относится к телу и здоровью. Все существенное сводится к небольшому числу легко исполнимых правил: быть много на воздухе, побольше двигаться и спать; немного или даже нисколько лекарств; одежда не слишком тесная, не слишком теплая; необходимо также приучить к холоду ноги и голову и почаще мыть их холодною водою».

Итак, согласно Локку, задача физического воспитания сводится к укреплению и закаливанию тела, исключающим всякое излишество и изнеженность. Теми же соображениями руководствуется он в воспитании духа, высказывая следующее мнение: «Если крепость тела состоит в труде и усилии, то же может относиться и к духу. Главный принцип, основание всякой добродетели, всякой заслуги, заключается в том, чтобы человек был способен отказывать себе в удовлетворении собственных желаний, умел бы противостоять своим собственным склонностям и следовать начертаниям своего разума, если бы они шли вразрез со всеми другими желаниями».

Из этого легко вывести, что задача воспитания должна заключаться в закаливании тела и духа.

Воспитание духа, в глазах Локка, есть развитие в человеке хороших наклонностей, доброжелательного отношения к людям, чувства чести и уважения к человеческой природе; оно состоит также в образовании твердости характера, в практичности и уменье ладить с людьми. Научное образование Локк считает делом второстепенным и ставит его намного ниже нравственного воспитания.

Такое умаление значения умственного развития объясняется протестом Локка против схоластического направления школы того времени, набивавшей молодые головы совершенно бесполезным и ни к чему не ведущим знанием, которое не давало человеку ни силы характера, ни внутреннего счастья.

Локк отводит в воспитании последнее место изучению школьных наук, потому что в то время все воспитание сводилось к этому изучению. Джентльмен, по его мнению, заботясь о воспитании своего сына, должен желать ему, сверх обеспеченного состояния, еще и добродетели, благоразумия, хороших манер и образования. Итак, образование занимает здесь *последнее* место. Локк сам понимал, что это должно вызвать удивление, и объясняет свой взгляд следующим образом:

«Вы, может быть, удивитесь, что я говорю об образовании после всего. Такое мнение может показаться странным в устах ученого, и этот парадокс является чересчур смелым еще и потому, что теперь образование составляет единственную цель

воспитания. Но когда я вижу, какой муке подвергаются люди, чтобы научиться немного латинскому и греческому языкам, сколько лет употребляют они на эту работу, сколько это доставляет им хлопот и страданий и какой ничтожный получается результат, я не могу удержаться от негодования, что родители живут, постоянно опасаясь школьного учителя». Локк, отрицая современную ему школьную мудрость, считает существенно необходимым знать всем и каждому весьма, немногое, а именно: уметь читать и писать. Философ признает пользу научного образования только для людей способных, для других же считает его скорее вредным; относительно последних он дает родителям следующий совет: «Отдайте вашего сына в такие руки, которые могли бы по возможности сохранить его невинность, развить и воспитать в нем добрые наклонности, без всякого насилия исправить и излечить дурные и приучить его ко всему хорошему. Вот что важно. Как скоро это достигнуто, образование может быть приобретено в придачу и, как мне кажется, очень удобно, при помощи методов, какие нетрудно придумать». Далее Локк говорит, что он не видит смысла в держании детей на цепи, как каторжников, в продолжение семи, восьми или десяти лет, которые можно назвать лучшими годами в жизни, и все ради того, чтобы научить их одному или двум языкам. Восставая против всего этого, Локк составил собственную программу образования, необходимого для *джентльмена,* и придумал свой метод обучения. В самом – раннем возрасте ребенка следует выучить читать, писать и чертить, затем необходимо приступить к изучению родного языка, а потом французского. Только после этого он может взяться за латинский язык, уступая всесильной моде. Греческий язык необходим для ученого, но не требуется для джентльмена. Вслед за латынью по плану Локка идет география, арифметика, астрономия, геометрия, хронология, история, учение о нравственности и право. К этим предметам он присоединяет и философию естествознания, под которой понимает знание природы вообще. Философ решительно выступает против риторики и формальной логики. Софистическое направление ума Локк менее всего считает приличным для джентльмена или друга истины. В то же время он очень ценит хороший слог и советует обращать на него внимание с раннего детства. Во главе искусств Локк ставит танцы, которые воспитывают стройность и грацию движений. Он требует также изучения хотя бы одного ремесла.

Изучение латинского языка Локк считает неприятным для всех возрастов.

Главное искусство учителя состоит в том, чтобы овладеть

вниманием ученика и сохранить это внимание. Нужно заставить ребенка понять, что его любят и пекутся о его благе. «Мы, – говорит он, – любим свободу с колыбели. Мы знаем множество вещей, которые внушают нам отвращение только потому, что были нам навязаны в детстве. Я всегда думал, что всякое серьезное занятие может обратиться в удовольствие».

Итак, вместе с заботой о том, чтобы сообщить телу силу и крепость, сделать его послушным и совершенным орудием души, главным и преимущественным занятием воспитателя должно быть правильное образование этой последней, чтобы расположить ее неуклонно следовать тому только, что сообразно с достоинством и познанием разумного существа. Эту способность Локк называет твердостью души, которая, как и крепость тела, состоит преимущественно в перенесении трудностей; она есть главное основание и начало всякой *добродетели* и всякого успеха. Локк особенно заботится о развитии *этой* способности. Он говорит:

«Один из важных недостатков, замеченных мною в нашем воспитании, состоит в том, что недостаточно *рано* начинают приучать детскую душу к покорности известным правилам, подчинению рассудку, не заботятся об этом в то время, когда она еще весьма нежна, гибка и способна следовать всякому направлению.

В отношении к животным бываем мы благоразумны – начинаем их воспитывать с первого дня жизни и таким образом делаем их полезными для себя. Свое же собственное дитя оставляем в этом отношении без всякого попечения и наивно ждем, что из дурного ребенка выйдет хороший человек».

«Мысли о воспитании» изобилуют также многими отдельными замечаниями и правилами эмпирического характера; мы приведем некоторые из них:

«Чувствовать влечение еще не порок; но порок состоит в неуменье подчинять его указаниям и ограничениям рассудка. Различие между людьми состоит не в том, чтобы иметь или не иметь желания, – их имеют все, – но в умении властвовать над ними. Тот, кто в молодости не привык подчинять свой произвол рассудку других, едва ли будет подчиняться и своему собственному.

Чрезмерное снисхождение и свобода в обращении с детьми не ведет ни к чему хорошему.

Глубокое уважение к родителям и некоторый страх в самом начале должны дать им власть над умами детей, а любовь и дружба должны поддержать ее в юношах.

На взрослых детей должно смотреть как на подобных нам

людей, имеющих те же страсти и стремления.

Давайте поменьше законов, но, раз давши, строго смотрите за исполнением их.

Бог кладет неизгладимую печать на душу каждого человека; природный характер, конечно, может быть несколько видоизменен. Но едва ли можно совершенно сгладить природную особенность характера и превратить его в другой, противоположный. Поэтому лица, находящиеся при детях, должны внимательно изучать их природу и способности; они должны стараться угадать, к чему дети склонны и что им по душе.

Воспитатель не только должен тщательно исследовать, к чему *особенно* склонен ребенок, но также знать то, чего не достает в характере дитяти.

Данное природой ребенку должно развивать; намерение же истребить в душе его то, что дано ему от природы и посеять в ней нечто новое, искусственное – всегда будет тщетным усилием и поведет только к притворству.

Неестественная серьезность и спокойствие нрава детей, может быть, и понравятся людям недальновидным, любящим детей робких, недеятельных, нешумливых; но из таких детей выйдут люди бесполезные для друзей и ни на что не нужные.

Аффектация и притворство не принадлежат к числу недостатков детского возраста; их не порождает природа, предоставленная самой себе; они скорее принадлежат к тем видам сорных трав, которые растут не на пустырях, но на грядах у небрежного или неискусного садовника.

Любопытство в детях есть только особый вид любознательности, поэтому его следует поощрять не только как хороший признак, но также как великое орудие, данное природой для извлечения человека из состояния невежества».

Во всех этих замечаниях и правилах проявляется та наблюдательность, которая составляла отличительную черту Локка, а именно: наблюдательность, руководимая любовью к природе вообще и к природе человека в особенности.

Нам уже известно, что Локк с большим успехом прилагал на практике выработанные, им педагогические взгляды; мы знаем в то же время, что не внешние обстоятельства принуждали его брать на себя обязанности воспитателя; из этого можно заключить, что он имел склонность к педагогической деятельности. Воспитывая детей, Локк изучал природу человека, проверял свои взгляды и черпал свою мудрость из живой книги действительности, поэтому его взорам эта деятельность представлялась весьма сложной и разнообразной. Он говорит: «Хотя я достиг теперь конца изложенных мною замечаний о

воспитании, возникших в моем уме, однако я вовсе не желаю, чтобы кто-либо смотрел на эти замечания как на руководящее сочинение о столь важном предмете. Есть тысячи других вещей, которые следовало бы также подвергнуть рассмотрению, – в особенности, если допустить, что различные характеры, наклонности и недостатки, встречающиеся в детях, требуют соответственных средств. Разнообразие до того велико, что если бы описание его составило целые тома, то и тогда бы многое осталось недосказанным. В характере каждого человека, как и в его наружности, есть некоторая особенность, которая отличает его от прочих людей; и едва ли найдутся два ребенка, которых можно было бы воспитать по одинаковой методе. Сверх того, я полагаю, что сын князя, сын вельможи и сын обыкновенного человека должны быть воспитаны различно».

Последние слова особенно замечательны; в них проглядывает англичанин, строго придерживавшийся традиционного деления на сословия. Видно также, что Локк, излагая свои мысли о воспитании, постоянно имел перед собою конкретный образ джентльмена. Это также как нельзя лучше характеризует английского философа.

Для подтверждения этого мнения приведем статью Локка «О пользе, извлекаемой из чтения».

Чтение, говорит Локк, служит усовершенствованию ума, последнее же имеет двоякое назначение: во-первых, ум необходим для приобретения знаний, а во-вторых, – для передачи их другим. И то, и другое *важно для джентльмена,* но универсальное знание не составляет для него существенной необходимости, и сообщение знаний другим ему не менее нужно, чем приобретение знаний. Главное назначение джентльмена – служить своей собственной стране, поэтому нужнее всего то, что непосредственно относится к этому назначению – знание человеческих добродетелей и пороков, законов общественного устройства и искусства управления государством; все это сводится к изучению законодательства и истории. Но чтение дает ему запас фактических знаний, само же понимание приобретается только известным отношением к прочитанному; необходимо хорошенько переварить или продумать прочитанное, проверить связь между отдельными положениями. Иначе легко обратиться в человека ученого, но мало знающего, то есть не имеющего никаких самобытных знаний. Неизбежно также быть требовательным относительно своих собственных суждений и иметь определенное понятие о правильном мышлении.

Итак, чтение само по себе еще не служит к расширению знания, а только при известном отношении к нему помогает

усовершенствованию нашей мыслительной способности. Но это далеко не все, чего должен искать джентльмен в чтении; оно также может облегчить ему возможность передавать свои знания и убеждения другим. Хорошая речь зависит от двух условий: от точности выражения и правильности мышления. Передача понятий значительно облегчается точностью языка и возбуждает ясностью удовольствие в слушателе; всякая же запутанность, напротив, вызывает глубоко неприятное чувство и сомнение в знаниях говорящего. Лучшим средством для усовершенствования в красноречии служит чтение авторов, излагавших свои мысли с безукоризненною ясностью на родном языке.

Локк не довольствуется этими общими указаниями и приводит ряд сочинений, относящихся к различным областям знания, которые могут служить достижению намеченных им целей, но большинство указанных сочинений важны только для англичан.

В конце этой статьи Локк говорит, что самый интересный предмет изучения *для джентльмена* есть, конечно, сам человек; он должен знать людей, не упуская из виду ни свою частную жизнь, ни государственную деятельность. Это знание можно почерпнуть из сочинений о человеческой природе, написанных гениальными людьми; к числу таких сочинений принадлежит учение Аристотеля о страстях человека, заключающееся во второй книге его «Риторики». Сверх того, Локк приводит ряд сочинений, принадлежавших неизвестным нам английским авторам.

Итак, Локк в своем педагогическом трактате главным образом преследовал цели воспитания джентльмена. Аристотель также утверждает, что воспитание свободного человека должно существенно отличаться от воспитания раба, но программа Аристотеля отличалась большею широтою взгляда. «Свободный человек» Аристотеля – такой же конкретный образ, как и «джентльмен» Локка, но в нем больше общечеловеческого и меньше национального. Трактат Локка о воспитании вводит нас в определенный круг деятельности английского джентльмена семнадцатого столетия. Ценные и плодотворные для всех веков мысли Локка встречаются здесь большею частью не в чистом виде, а в соединении с местными и временными мнениями. Для того чтобы как следует воспользоваться этими мыслями, мы должны их, так сказать, выделить. Локк как нельзя лучше сознавал это сам. Он говорит: «Я печатаю теперь эти мысли, случайно вылившиеся, несмотря на то, что они далеко не полны и не в состоянии удовлетворить каждого воспитателя; но я все же надеюсь, что они могут помочь тем людям, которые, заботясь о воспитании своих дорогих малюток, скорее решатся действовать

по *собственным своим убеждениям,* чем *буквально* следовать обычаям старины».

В данном же случае эти педагогические воззрения для нас важны постольку, поскольку они выражают взгляды и убеждения Локка. В теории воспитания проявляется также идеал человека, который носит в душе своей каждый истинный философ, у человека вполне отвлеченного, погруженного в свои собственные мысли, идеал имеет также отвлеченный характер. У людей наблюдательных, чутких к действительности, наоборот, он принимает конкретные образы. Локк и Аристотель, бесспорно, принадлежат к числу последних; в их идеалах, как в чистом зеркале, отразилась окружавшая их действительность, поэтому небесполезно провести параллель между аристотелевским свободным человеком и джентльменом Локка. Начнем с физической стороны. И древний эллин, и англичанин XVII века, безусловно, здоровые люди, но эллин уступает англичанину в силе, а главное – в выносливости, зато превосходит его гибкостью и грацией. Эллин ищет наслаждения в труде и считает унизительным для себя стремиться только к полезному. Англичанин, напротив, добровольно ограничивается исключительно полезным. Путь его узок, но он прямой и определенный. Немногое полагается ему знать для того, чтобы служить своей стране. Любознательности же эллина нет пределов. Джентльмен – гражданин в полном смысле этого слова, однако в то же время он не чужд общечеловеческих интересов. Эллин весь предан последним, хотя отдает некоторое предпочтение нуждам своего отечества.

Мы видим, что особенность характера Локка отчетливо проявилась в его мыслях о воспитании. Перед нами и здесь рисуется человек с твердою волею, неуклонно направленной к добру, но руководимый самыми скромными желаниями и требованиями, человек, знающий жизнь, как говорится, вдоль и поперек. Религиозное смирение сказывается и во взглядах на воспитание, несколько ограничивая умственный кругозор свободного мыслителя. Несмотря на это, упомянутый трактат изобилует прекрасными мыслями; приведем, например, рассуждение Локка о значении наказания и наград.

Он говорит, что общеупотребительные наказания и награды не приводят к той цели, которую мы должны преследовать при воспитании, то есть не развивают в питомце господства над свойственными ему чувственными минутными удовольствиями, не учат его переносить боль и неприятности. Напротив, наказания усиливают в питомце расположение к удовольствию, создают стремление к порочным действиям. Когда мы обещаем ребенку

дать гостинец за то, чтобы он позволил расчесать себе волосы, мы заставляем его мечтать о продолжительном чувственном удовольствии, которое ему предстоит после минутного чувственного же неудовольствия. Затем следует подробная оценка всех способов наград и наказаний, после которой Локк горячо высказывает свое искреннее убеждение: «Нет, я не признаю никакой исправительной меры полезною для нравственности ребенка, если стыд, сопряженный с нею, пересиливает стыд от совершенного поступка».

Локк очевидно стремится к тому, чтобы ребенок чувствовал негодование к безнравственным поступкам. Он внушает нам уважение к личности ребенка и отрицает возможность действовать на детей строгостью, высказывая по поводу ее следующее мнение: «Если бы строгость, доведенная до высшей степени, даже и могла излечить какую-нибудь нравственную болезнь питомца, то вместо этой болезни непременно явился бы еще больший нравственный недуг, потому что строгость ослабляет *пружины* души». Эта мысль принадлежит к числу самых верных и плодотворных. Обыкновенно, когда мы воспитываем детей, нас больше заботит достижение скорейших результатов, чем будущее наших питомцев; мы действуем, таким образом, ради собственного успокоения. Локк же советует принимать в расчет главным образом будущее ребенка. Такой взгляд на дело достоин философа. К счастью, он выражен настолько отчетливо и сильно, что способен образумить родителей и воспитателей. Этим влиянием и обусловливается, по всей вероятности, то, что каждый человек, сердцем преданный делу воспитания, неизбежно должен искать и действительно ищет опоры в Локке.

В сочинениях Локка особенно замечательны и ценны наблюдения над такими явлениями психической жизни, которые из-за своей тонкости трудноуловимы; таких наблюдений особенно много в сочинениях, имеющих более научный характер; большею частью они относятся к взрослым людям, но толчком к такого рода наблюдениям всегда служат дети. Для подтверждения этой нашей мысли мы приведем несколько строк из знакомого уже нам «Опыта» Локка, где он говорит об ассоциации идей. «Многие дети начинают ненавидеть те учебные предметы, за которые получили наказание: представление о наказании соединяется у них с представлением о книге до того, что они не могут без содрогания видеть последней. Изучение книги при таких условиях становится для них пыткой. Мне приходилось видеть хорошие, удобные комнаты, в которых многие люди не в состоянии заниматься. Существуют также такие

стаканы, из которых невозможно пить, несмотря на их видимую пригодность. Мой друг сообщил мне как-то следующий замечательный случай: один больной подвергся очень мучительной операции, возвратившей ему здоровье. Он всю жизнь питал безграничную благодарность к своему оператору, считал его величайшим своим благодетелем. В то же время благодарный пациент не мог видеть оператора: *вид* этого человека напоминал ему слишком живо все перенесенные им страдания, и это воспоминание было невыносимо для него.

Можно привести множество примеров такого рода. Один молодой человек долгое время упражнялся в танцах в комнате, где стоял большой шкаф; он не мог танцевать в другой комнате, в которой не было такого шкафа».

Внимательный и наблюдательный читатель, по мнению Локка, может и сам припомнить немало таких примеров. Легко понять, какое значение имеет все это для воспитания. Тщательное изучение сочинений Локка убеждает нас в том, что вопросы, связанные с воспитанием, как говорится, никогда не выходили из головы их автора.

Нам остается сказать несколько слов о других сочинениях Локка, имеющих отношение к образованию и воспитанию. Мы говорили уже о взглядах Локка на роль чтения в жизни джентльмена. Мы знаем также сочинение Локка «Conduct of understanding» («Управление пониманием»), которое скорее можно назвать педагогическим трактатом, руководством к мышлению, чем строго научным трудом. В этом сочинении Локк посвящает главное свое внимание средствам для избежания заблуждений и ошибочных умозаключений. Само изложение отличается большой популярностью и, сверх того, изобилует также множеством очень ценных наблюдений и советов, представляющих большую важность в применении их к практике. Верный самому себе и здесь, Локк обращает большое внимание на нравственные причины заблуждений и очень много говорит о предрассудках и суеверии. Он советует человеку как можно снисходительнее относиться к ошибкам и предрассудкам других и как можно беспристрастнее проверять себя самого. И здесь, как и в трактате о воспитании, Локк проводит две главные мысли: «добрая нравственность важнее для человека, чем умственное развитие» и «польза есть конечная цель всякой деятельности». Труд ради труда, говорит он, есть нечто неестественное. Мышление, как и все на свете, стремится к кратчайшему пути для достижения своей цели, то есть знания, убежденный в этом Локк и сам предпочитал краткий и легкий путь к истине.

Глава VII

Вольтер о Локке. – Д'Аламбер о Локке. – Локк и Лейбниц. – Шефтсбери о сочинениях Локка. – Льюис о Локке.

Мы говорили уже о значении Локка в истории философии. Но для того, чтобы глубже почувствовать его влияние, приведем мнения о Локке некоторых замечательных людей, основательно знакомых с его учением. Прежде чем расстаться с Локком, посмотрим на него глазами Вольтера, Лейбница, Д'Аламбера, Шефтсбери и Льюиса, и он предстанет перед нами в новом, хотя и не в ином, свете.

Все замечательные люди – существа одного высшего порядка, они лучше могут ценить и понимать друг друга, чем понимаем их мы, люди обыкновенные.

Начнем с Вольтера. Мы знаем его проницательный, насмешливый взгляд; представим себе, что он остановился на Локке и вдруг изменился, потерял свою холодность и сухость, стал мягким, почти кротким. Его обезоружила скромность Локка, соединенная с такими истинными достоинствами, которых не мог не понимать и не ценить Вольтер.

Вольтер говорит: «Я долгое время всюду искал истину и вместо нее находил ложь, химеры; после многих таких неудачных, утомительных попыток я наконец снова возвратился к Локку; так блудный сын после долгих странствований и заблуждений возвращается к своему отцу. С чувством глубокого спокойствия бросился я в объятия человека скромного, в котором всегда хватало мужества сознаться в том, чего он не знает. По правде сказать, Локк не обладает несметными богатствами, но у него есть верный капитал и он располагает неподдельными сокровищами. Этот философ меня утвердил во мнении, что все наше знание мы в конце концов приобретаем при помощи наших органов чувств.

Итак, врожденные понятия не существуют.

Мы не можем себе представить ни бесконечного пространства, ни бесконечного числа.

Не во всякий данный момент я размышляю, поэтому моя мысль не есть какая-нибудь сущность, а только действие моего ума.

Я свободен, если я могу делать то, что хочу. Когда я сижу в комнате с запертой дверью, от которой у меня нет ключа, я не располагаю свободой выйти из комнаты; у меня нет свободы, когда я страдаю, не желая страдать; у меня ее нет, когда я не могу сосредоточить свою мысль на известных идеях по своему

желанию.

Говорить, что воля свободна, в сущности, не имеет смысла, потому что бессмысленно говорить: *я желаю хотеть того-то,* – это ведь то же самое, *что желать желания или бояться боязни.* Наконец, говорить, что *воля* свободна – это все равно, что сказать: воля голубая, воля квадратная.

Я могу желать только вследствие идей, возникших в моем мозгу; если бы этого не было, то мои действия не имели бы причины.

Я не могу иметь представления о бесконечном, потому что я сам очень конечный.

Я не могу постигнуть сущности, потому что мои понятия относятся только к отдельным ее качествам, и знание тысячи известных мне качеств не дает мне полного понятия о природе данной вещи, потому что мне все-таки могут быть неизвестны сто тысяч остальных ее свойств».

Все это вынес Вольтер, внимательно изучая Локка.

Эти мысли оказали сильное влияние на его собственные воззрения. Нам же известно, какое значение для всего образованного мира имели мнения и взгляды Вольтера.

К философии Локка приложимо как нельзя более то, что Вольтер говорит о философии вообще: философия отличается простотой, спокойствием; в ней нет ни зависти, ни честолюбия; она живет в мире с людьми, но удаляется от шума и суеты мирской; она терпима и сострадательна к людям. В своей безукоризненно чистой руке держит она факел, освещающий людям их жизненный путь. Она никогда своим огнем не зажигала пожара. Ее голос слаб, но слышен людям, она говорит, она повторяет: «Преклоняйтесь перед Богом; уважайте власть; любите людей!»

Д'Аламбер в своем знаменитом «Введении» в «Энциклопедию» высказывает следующее мнение о философии Локка: «Можно сказать, что Локк создал науку метафизики подобно тому, как Ньютон создал физику. Для того чтобы изучить душу, понять, что такое идеи и страсти, он не обращался к книгам; они могли бы направить его в ложную сторону. Он погрузился в самого себя и после продолжительного созерцания духовного мира представил в своем „Опыте“ то зеркало, в котором видел самого себя. Одним словом, Локк привел метафизику к тому, чем она должна быть, то есть сделал ее экспериментальной физикой души».

Мы привели здесь мнения Вольтера и Д'Аламбера о Локке, чтобы показать, как понимали и ценили его величайшие люди XVIII столетия. Посмотрим теперь, как относились к воззрениям этого философа его знаменитые современники Лейбниц и лорд

Шефтсбери-младший.

Локк и Лейбниц воплощали в себе все умственные способности тех наций, к которым принадлежали; Локк отличался удивительно ясным умом и большим здравым смыслом; особенность же умственной деятельности Лейбница заключалась в ее глубине и силе. Локк – проницательный, беспристрастный и терпеливый наблюдатель. Лейбниц – вдохновенный творец. Локк в продолжение тридцати лет записывал в свой журнал факты и наблюдения, обдумывал их со всех сторон и постоянными непрерывными усилиями мало-помалу создал свою удивительную книгу. Не сводя глаз с действительности, Локк ставил себе скромную цель: освободить поле мысли от следов развалин и от сорных трав.

Изучение действительности приносит пользу человечеству, но оно также налагает цепи на свободу мысли; имея постоянно дело с фактами, преувеличиваешь значение всего местного и временного. Всему этому отдал свою дань и Локк. Лейбниц, в противоположность Локку, совершенно свободно относился к действительности, он носил в душе своей более смелые и гордые планы. Своему стремлению к гармонии он готов был принести в жертву все на свете. Каждому предмету, занимавшему его мысль, он мог бы посвятить целую книгу; он мог бы написать столько книг, сколько у него было идей, и не написал ни одной книги. Лейбниц воспользовался книгою Локка как канвой и между строками ее изложил свои мысли.

«Опыт исследования человеческого ума, – говорит Лейбниц, – есть одно из совершеннейших и уважаемых произведений нашего века. Хотя знаменитый автор „Опыта“ и высказывает множество мыслей, которым я вполне сочувствую, но, тем не менее, наши системы вполне различны. В нем больше сходства с Аристотелем, во мне – с Платоном».

Отличие своих воззрений от взглядов Локка Лейбниц уясняет следующим образом: «Вопрос состоит в том, существуют ли идеи, прирожденные уму, или же все они приобретаются умом. Сам ум должен считаться прирожденным, а в нем содержатся понятия сущности, времени, изменения, действия, восприятия, удовольствия и т. д.

Я скорее сравню ум с куском мрамора с жилками, чем с белым листом бумаги. Необходим известный труд, чтобы найти эти жилки и воспользоваться ими при создании статуи Геркулеса. Но эти жилки придают статуе известный характер, который можно считать врожденным».

Из этого замечания видно, что противоположные, в сущности, системы Локка и Лейбница, так сказать, дополняют одна другую

и обе вместе представляют всестороннее исследование всех явлений психической жизни.

Лорд Шефтсбери-младший очень строго критиковал некоторые воззрения Локка. Главным же образом возмущался тем, что Локк не признавал *врожденного* чувства долга, не видя проявления его у варваров и дикарей. В негодовании своем Шефтсбери доходил до того, что называл философию Локка в этом отношении жалкой. Свои же собственные воззрения на нравственность Шефтсбери высказал в сочинении, известном под названием «Письма аристократа к молодому студенту», изданном в 1716 году без имени автора. В тех же «Письмах» Шефтсбери высказывает свое высокое мнение о философии Локка вообще, говоря, что его «Опыт» – сочинение одинаково полезное людям ученым и светским, потому что в нем мы находим самое ясное и совершенное изложение философских истин. (Студент, к которому действительно относились эти письма, был стипендиат лорда Шефтсбери. Сын слуги лорда, он еще в детстве обратил на себя внимание своего господина, который дал ему самое тщательное образование, возлагая на него блестящие надежды. Последние, однако, не оправдались. Воспитанник Шефтсбери вышел набожным, добрым человеком, но не больше. Мы упоминаем об этом потому, что отношения к этому молодому человеку характеризуют английского философа Шефтсбери с нравственной стороны.)

Льюис говорит, что в Англии одно время вошло в моду относиться к Локку свысока. Встречая на каждом шагу нападки на его философию, Льюис решил с пером в руке вновь перечитать сочинения Локка. Этот труд дал ему силу отразить всех врагов философии Локка. И он завещал своему читателю: «Если хотите знать и понимать Локка, *читайте* Локка!»

Источники

1. *Bourne.* Life of Locke.
2. *King.* The Life of John Locke.
3. Collection of several pièces of Locke. 1720.
4. *Marion.* Locke d'après les documents nouveaux (Revue philosophique. 1878).
5. *Palm.* Wie begründet Locke die Realität der Erkenntniss, Jena. 1881.
6. *Ueberweg.* Geschichte der Philosophie. 1883.
7. *Маколей.* История Англии.

notes

Примечания

1

Намек на Людовика XIV